

Белая ворона в Академии Аусвер

Автор:

Диана Хант

Белая ворона в Академии Аусвер

Диана Хант

Попав в академию Аусвер – предмет мечтаний любого мага – я умудрилась сходу настроить против себя Магистра с пугающим ледяным взглядом, а также самого популярного парня, одно слово которого способно превратить мою жизнь в ад! Теперь вместо того чтобы радоваться своему везению, нужно срочно помириться с надменным красавчиком, распутать целый клубок тайн, и, заключив одну непристойную сделку, понять, наконец, что здесь происходит. Что в элитной академии не всё так радужно. Отдай магию или умри – таков закон Аусвер. Но... даже не надейся, Тринадцатый Магистр! Я на такое не подписывалась!

Диана Хант

Белая ворона в Академии Аусвер

Глава 1

– Так вот он какой! Первый портал в межпространство! А что, мне нравится.

– Рори! Тебе рано вставать, слышишь? Ро! И думать не смей!

– Да что мне сделается? Ты обещал, что я буду первой!

– Но он ещё не проверен! Я понятия не имею, куда тебя может забросить.

– Чушь... Какая чушь! Никому не уступлю пальму первенства!

– Риски...

– Плевать! Не тебе говорить мне о рисках. Я рискую каждое утро, когда просыпаюсь. Лучше поцелуй меня...

Портал замерцал, когда обнажённая фигурка шагнула внутрь.

Яркая вспышка... и от неисправимой оптимистки и его вдохновения остался лишь едва уловимый аромат духов.

Сама же она неслась сквозь миры...

Аврора

– Так вот ты какой... Аусвер!

– Аусвер – академия, – занудно поправил маг. – А об академии принято говорить «какая». Вас что, в дальних дистриктах элементарной грамматике не учат?

Я пожала плечами, не очень-то спеша отвечать. За время путешествия занудство эмиссара перешло в разряд некой неизменной составляющей, как то – трава зелёная, небо голубое, восход солнца розовый. К тому же маг имел обыкновение отвечать на свои вопросы сам, тем самым подчёркивая мою тупость и невежество. А я и не спорила. Зачем?

Он вёз меня в Аусвер!..

И за куда меньшее я готова была обожать его до конца жизни.

К тому же, что немаловажно, довёз!

И вот сейчас, когда пространство между гигантскими колоннами вспыхнуло, заискрило, зашипело, а за мерцающей завесой проступило самое огромное и величественное здание, что я когда-либо видела в жизни... у меня от волнения даже рот открылся, а по пальцам сами собой побежали заряды, чего дома вообще не случилось!

Господин маг не врал... Слухи не врани!..

Аусвер... он оказался великолепен! То есть она, академия, оказалась...

Впрочем, назвать это академией язык не поворачивался. Скорее, замок. Именно так по моим скромным представлениям должны выглядеть старинные замки.

Симбиоз мощи, величия и какой-то неуловимой зловещести.

Чем дальше я смотрела на Аусвер, тем сильнее слабели ноги, сердце же, наоборот, колотилось, как бешеное... При этом цвета проступали ярче, а границы плыли, словно я наяву погружалась в сон. Дыхание ёкало, внутри всё сжималось. Не то от восторга, не то от страха. Всё же, наверное, от восторга. Страх мне знаком не понаслышке и давно стал неизменной составляющей жизни.

...Но все эти шпили, башни, колонны, каменные горгульи!.. Невероятно!!

А на самой высокой башне сидел и хлопал гигантскими кожистыми крыльями дракон!

Огромный! Изрыгающий пламя! Оно огненным водопадом рассеивалось в воздухе, не долетая до земли!

И пусть это всего лишь иллюзия, но насколько же мастерски сделанная! Не отличить от реальности! Я чувствовала, я просто физически ощущала, как меня утягивает в совершенно новый мир, больше похожий на сказку!

– Это офигенско! – вырвалось у меня, и маг скривился так, словно у него заболел зуб.

Крепко взяв меня за руку, и бормоча что-то о том, что ещё успею осмотреться, протащил через весь двор к главному входу. Причём студенты расступались перед нами, прямо-таки шарахались в разные стороны!

На мага они не смотрели. Смотрели на меня. С осуждением и сочувствием, что было странно.

Потому что ладно ещё с осуждением. На другое, учитывая свою кхм, нестандартную внешность, я и не рассчитывала. Но сочувствие? Это мне было сложно понять. Мы же в Аусвере! Сочувствовать надо тем, для кого эти ворота закрыты...

– Тебе туда, – подтолкнул в спину маг, когда мы вышли во внутренний двор академии. Большой, кстати!

А посреди – ещё один дом, трёхэтажная пагода под хрустальным куполом, к ней ведут вымощенные разноцветным кирпичом дорожки, словно лучи солнца или лепестки цветка. Узкие, на такой с кем встретишься – разминёшься только боком, выпустив из себя весь воздух.

Что ещё было странно и непонятно, – за воротами – я точно помню – небо было чистым, голубым, ни облачка. Здесь же хмурилось, а запах мокрого камня и лужи вдоль дорожек выдавали ненадолго затихший ливень. Хорошо ещё, что на дирижаблях прохладно и дует, и на мне сапожки и плащ, пусть и на рыбьем меху.

Но ладно ещё – небо. На небе странности не заканчивались.

От центральной башни так разило магией, что, такое ощущение, волосы на голове приподнимались.

Наверное, в этот самый миг я и поняла, поверила, наконец, что это не сон. Я и в самом деле в лучшей, легендарной и вообще элитной магической академии Преториума! В бьющемся сердце Триума! Офигеть!

– Туда? – повторила я.

Эмиссар нахмурился.

– Прежде, чем получить форму, учебники, место в общежитии тебе нужно пройти Распределение.

Что такое Распределение, я знала. Маг по дороге рассказывал. Это не больно. Сфера Истины просканирует мой мозг, ауру, уровень раскрытия магического дара и поможет определить, на какой факультет меня направить.

Я, если честно, мечтала о механике.

Симбиоз магии и прогресса – что может быть интереснее?

– То есть мне... идти?

Я преданно ела глазами человека, который спас меня от страшной смерти, и ещё намного более страшной жизни. Который привёз меня в Аусвер... предмет мечтаний любого мага и... я ведь даже имени его не знаю!

С самой нашей первой встречи он наказал обращаться к нему «господин маг», и всю дорогу держал дистанцию. И даже сопровождающие нас миротворцы, которых я боялась до одури, так к нему обращались, и, такое ощущение, в свою очередь, до одури боялись «господина мага».

В общем стою, глазами хлопаю, варежку, опять же разинула – ни дать, ни взять юродивая побирушка из дальнего дистрикта – а у самой слёзы на глазах, хотя сентиментальность мне как-то не свойственна.

Но как отблагодарить этого важного человека за то, что для меня сделал? Ответ один: никак.

За такое отблагодарить невозможно...

– Иди! – в последний раз наказал маг. – И не забывай, Аврора, как тебе повезло!

На секунду в глубоко посаженных, прищуренных глазах сверкнуло что-то похожее на сочувствие, но затем также стремительно погасло.

Помотав головой, я направилась к воротам в виде арки, увитой плющом.

Состояние – ошалелое, в голове словно оркестр играет.

Иду, пялюсь по сторонам, хорошо ещё, рот закрыть вспомнила.

Но когда над головой со свистом пронеслось что-то отвратительно вопящее, ещё и макушку ощутимо так задело, я взвизгнула и присела, прикрыв руками голову.

Вопящее же нечто взмыло и уселось на выступ башни. Сложив крылья и замерев, оно оказалось каменной горгульей со злобно горящими красными глазами.

Засмотревшись на напугавшую меня горгулью, я чуть шею не свернула, и чуть не врезалась со всего размаха в студента, который как раз вышел из ворот аркой мне навстречу.

Парень был на полторы головы выше меня, в плечах, что называется, косая сажень.

Чтобы не сшибиться с ним, я успела выставить перед собой свободную от чемодана руку. И, хоть толчок в грудь был едва ощутимым, парень скривился, сморщился.

По фиолетовой отделке лацканов формы я опознала студента седьмого курса. Господин маг ещё в дороге научил, что по форме можно понять, кто перед тобой – первокурсник или выпускник. Мне на первом курсе полагалась красная отделка, затем придёт черёд оранжевой, жёлтой, зелёной, голубой, синей, и, наконец, фиолетовой.

– Простите, – пискнула я, робко улыбаясь и привычно вжимая голову в плечи. – Я засмотрелась на горгулью.

И тут же осеклась. Нет, ну я привыкла, что на меня смотрят с нескрываемой брезгливостью... Белая, как снег, кожа, такие же белоснежные волосы, ресницы, брови и ярко-розовые, как у кролика глаза, понятно, никому красоты не добавят, но есть же границы!

Студента, которого я, повторюсь, чуть не задела, прямо-таки перекосило! На лице застыла маска неприкрытого страдания! И это было как-то уж слишком.

Да я и сама знаю, что урод. Но... думала, что в Преториуме оно как-то полегче будет, всё же не дальний приморский дистрикт с суеверным по самое не могу населением.

- Эй! Посторонись! - раздалось злое откуда-то сбоку. - Дай ему пройти!

Оглянувшись, я увидела, что к нам, прямо по лужам приближается ещё один студент. Высокий и такой рыжий, что я часто заморгала, но тут же мысленно отвесила себе оплеуху. Мне ли не знать, каково живётся с нестандартной внешностью!

Но тут же вынуждена была признать, что, пожалуй, все минусы «нестандартности» достались мне, маленькой и щуплой девушке-альбиносу, а этому рыжеволосому красавцу Четырёхликая щедро отвесила одни лишь плюсы.

Правильные, точёные черты лица, которое не портят даже чуть запавшие щёки и острые скулы. Упрямый волевой подбородок и ровный аккуратный нос. Рыжие волосы убраны в низкий хвост. Жёлтая отделка формы очень ему идёт, а также говорит, что передо мной третьекурсник.

Но вот злость, практически ненависть в светлых глазах совершенно сбивает с толку! Потому что злится он на меня! За что? Что не уступила дорогу старшекурснику?!

Я пожала плечами и оглянулась к «фиолетовоотделачному».

- Простите ещё раз, - пробормотала я. - Удачи в жизни.

Я собиралась отступить, не успела. Рыжий молнией метнулся к нам, причём с таким угрожающим видом, что я невольно зажмурилась (привычка с детства, чтобы не раздражать окружающих розовыми «кроличьими» глазами), отшатнулась, и... по закону подлости угодила в лужу чуть ли не по колено, промочив сапожок и изгваздав подол. И на этом закон подлости не иссяк, нога чавкнула и подвернулась, а я, силясь сохранить равновесие, взмахнула руками.

Чемодан описал в воздухе дугу... и, в общем, раскрылся он ещё в полёте...
Прежде чем плюхнуться в воду.

Я же со всего размаха шлёпнулась рядом, обдав и рыжего, и «выпускника» ещё одним фонтаном грязных брызг.

Выпускник никак не отреагировал на внезапный душ. Не удостоив меня взглядом, он продолжил путь, как мне показалось, чуть покачиваясь.

Рыжий же нависал надо мной, сидящей в луже рядом с чемоданом и выживающей из грязной... да всё подряд выживающей, что плавало по верху! А он только сверлил меня сердитым взглядом. Абсолютно без сожаления и не делая никаких попыток помочь мне встать.

- Совсем дура?! - прорычал он. - Не видишь, это же выпускник!

Я по-прежнему недоумевала, почему должна была уступать дорогу цветущего вида, здоровому детине. При этом сидеть в луже было мокро, холодно и очень унижительно.

Поэтому, делая вид, что не замечаю рыжего (такому только ответь, ага! к тому же не дай Четырёхликая, голос дрогнет...), принялась подниматься. Что не так-то просто было сделать, учитывая, что ноги разъезжались в жидкой грязи. Вода же была леденящая! И вот как теперь топать на это самое Распределение в мокром, грязном, отвратительно хлюпающем платье?! А испорченная одежда?! Мне ведь даже при всём желании переодеться не во что... Ну вот как так-то, а?!

Всё же я каким-то чудом оказалась на ногах. С трудом сохраняя равновесие, выбралась на дорожку и принялась вытаскивать вслед за собой чемодан. Стараясь не смотреть, во что превратился мой нехитрый скарб и тем более не ронять слёзы...

И тут небо в луже вдруг побелело, а сверху раздался треск.

Подняв голову, я увидела, что над хрустальным куполом «распределительной» пагоды проступила радуга! И было это так красиво, так невероятно, что я невольно забыла об обидах и даже насквозь промокших вещах.

Я – в Аусвер, чтоб мне к минотавру в лабиринт угодить!

В Аусвер... И это – главное!

И никто и ничто не испортит мне настроение в самый первый день!

Подумаешь, вещи. Тю... Новые наживём.

Губы сами-собой растянулись в полуулыбке.

Но когда рядом грязно, очень грязно выругались, я часто заморгала и обернулась.

Рыжий смотрел на великолепное радужное мерцание с такой ненавистью, что я испугалась. Правда, испугалась. А он тоже оглянулся на меня и... на его щеках даже желваки заходили, а кулаки сжались!

И я приготовилась бежать. Похоже, падение в лужу ещё цветочки.

Первая, ладно, вторая встреча – и студент оказался сумасшедшим!

– Радуйся, пока можешь, – с тихой яростью сказал рыжий и мне захотелось стать ещё ниже ростом. – Неужели не понимаешь, куда попала?

– В Аусвер, – вырвалось у меня неуверенное. Я пожала плечами и возобновила попытки вытянуть из лужи вымокший чемодан. Который, как назло, зацепился за что-то и вытаскиваться ну никак не желал.

– В Аусвер, – кривляясь, передразнил меня рыжий, по-прежнему не делая попыток помочь. – Скажи спасибо, что не в Хазиру...

– Что здесь происходит? – раздался рядом новый голос.

Глубокий, звучный. Хриплый.

Оказывается, к нам незаметно приблизился брюнет с холодным и отстранённым лицом.

– Аврора Зайко? – спросил брюнет, глядя на мои жалкие попытки извлечь чемодан из лужи с брезгливостью на холёном лице. Так смотрят на гадкое, копошащееся в грязи насекомое. – Вас ждут на Распределении. Пойдёмте.

– Сейчас, – процедила я сквозь зубы, потому что это было уже за гранью. Ладно, в дистрикте от меня шарахались как от прокажённой из-за угрозы паводков... Здесь в Преториуме я им чем не угодила? Внешностью? Ну, знаете, это как-то уж ни в какие ворота...

– Только вещи соберу, – заверила я, проглотив «и шнурки поглажу».

Рыжий странно дёрнул плечами, выпятил грудь, словно пытался пробиться сквозь невидимую преграду. Затем отступил, тяжело дыша. Выразительно сплюнул под ноги и, развернувшись к нам спиной, удалился. Провожая его глазами, я как-то слишком сильно рванула... и...

Чемодан из лужи «выдернулся». И даже, разнообразия ради, приземлился на этот раз на вымощенную разноцветным кирпичом дорожку.

А вот его содержимое...

Оно в очередной раз взметнулось в воздух, на этот раз с задорным таким хлюпаньем и... оказалось на высокомерном брюнете! Частично. Ну и, частично – уже вокруг него.

Мокрое и грязное. В художественном таком беспорядке...

Я сглотнула, глядя, как из-под ночной сорочки, приземлившейся на макушку брюнета, прямо ему на лоб стекает грязный ручеёк. На одном плече повисли лёгкие хлопковые штанишки, на другом, простите, лифчик... некогда бывший белым.

– П-простите, – пискнула я, привставая на цыпочки и снимая со взъерошенной головы брюнета ночнушку. Совершенно автоматически протёрла смятым

подолом его высокий лоб, чтоб не текло по лицу и не оставляло грязных потёков на глухо запахнутом вороте.

Судя по камзолу с богатой отделкой – этот не студент. Преподаватель, или того хуже – Магистр...

– Вот уж не повезло, так не повезло, – пробормотала я, стягивая с его плеча лифчик и пряча грязный мокрый комок в карман мокрого же плаща.

– Вы находите? – иронично приподнял угольно-чёрную бровь брюнет. На щеках же его ходили желваки, выдавая гнев хозяина. Опять же, направленный на меня. Мне в этот момент придушить противную горгулью, с которой всё началось, захотелось! Повезло гадине, что каменная!

– А я вот чувствую себя польщённым, – продолжал практиковаться в сарказме брюнет. – Прямо сказочное везение, оказаться под дождём из ваших мокрых панталон!

Я часто заморгала, но, сделав над собой усилие, ответила с достоинством:

– Странные в Преториуме представления о везении. Для полного счастья вам, должно быть, не терпится искупаться в луже.

Брюнет только глазами сверкнул, но оставил мою едкую (и справедливую!) реплику без ответа.

Развернувшись спиной, он направился к воротам, увитым плющом. Ну, как направился. На первом же шаге запутался в какой-то мокрой тряпке, в которой я с трудом угадала собственное платье, чертыхнулся, бросил мне его через плечо.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила я, а когда вслед за платьем прилетели и трусики, тоже, естественно, мокрые, добавила: – Вы очень любезны.

По тому, как напряглись плечи моего странного сопровождающего, я поняла, что ему таки есть, что мне ответить. Но он сдержался.

Быстро запихнув испорченные вещи в испорченный же чемодан (не оставлять же их здесь), хлюпая платьем и чуть-чуть носом, я поплелась следом.

А так чудесно всё начиналось...

Глава 2

Юджин

Да не собирался он её обижать! Злиться, обзывать... И тем более толкать в лужу.

Справедливости ради – в лужу-то он её не толкал как раз. Тут уж сама виновата, неуклюжая.

Просто взбесила. Вот прям до белых глаз взбесила. Из какой дыры её вытянули?!

И Касьяна жалко было чуть не до слёз. Как вспомнил того в день своего прибытия в Аусвер... Касьяна назначили его, Юджина, куратором. Высокий, плечистый, смешливый. Душа компании, рубаха парень. Юджин рядом с ним себя закомплексованным заморышем чувствовал.

Тот его после первого «забора» принял, чуть не на руках в комнату отнёс. Сам учебники приволок, ещё и надавал по щам тем, кому огненная шевелюра первокурсника казалась удачным объектом для шуток.

Это сейчас он – самый популярный парень в Аусвер, предмет мечтаний всех девчонок. Ну да на то своя причина есть, дело не только в сильном даре и яркой внешности.

Но тогда... Он же по дороге несколько раз сбежать пытался. Пытался, ага. «Приехал» спелёнатый, как младенец, в магнитных кандалах, практически без сил. Так что после первого «забора» думал, помрёт. Но потом отживел. И даже многих обошёл. Магистры своё дело знают. Доить могут годами... Скоты! Твари!!

Как же он их всех здесь ненавидит!!!

Юджин как увидел сегодня, что новенькая Касьяна толкнула, причём как нарочно, в самую фистулу попала... чуть с катушек не съехал.

Да какого ж сфинкса она не в те ворота попёрлась?!

Хуже всего была жалость. Режущая, острая, давящая. Выжирающая изнутри, обессиливающая. Рвать такую с корнем, рвать! Пусть лучше вообще без этого, без эмоций, чем вот так.

Такая маленькая, худенькая, с виду совсем ребёнок... Эти сволочи, что, малолеток уже берут?! Мало им уже полсотни магов с тщательно лелеемым даром?

Беленькая такая, и волосы белоснежные. Тонкие, как пух. Ни дать, ни взять одуванчик. А глаза как две агростеммы, или, как мама их называла, куколки... «Куколки» появлялись в их саду уже весной и цвели до прихода осени. Розовые, очень хрупкие, на тоненьких ножках. И на ночь они закрывались, словно засыпали, чтобы утром, омытые росой и рассветом, подставить лица новому дню.

А по праздничным субботним обедам мама всегда украшала ими стол...

И каким ветром такое вот чудо занесло в Аусвер?

Касьян небось тоже прифигел.

В Аусвер отбирают вообще-то кого покрепче.

Правда, справедливости ради, стоит отметить, что дар у девчонки сильный. Юджин издали заметил свет её ауры. На него и пошёл, кстати. Из любопытства. Посмотреть, что за чудо такое. По сравнению с ней аура того же Касьяна – ещё пару лет назад пылающая, как факел, сейчас так, гнилушка...

Потому он и не сдержался. Ничего, переживёт. Такую не то, что в лужу, в ледник спать уложи – и ничего ей не будет.

А уж когда она «радуге» обрадовалась, руки зачесались, чтобы придушить дуру!

Юджин пнул ни в чём не повинный бордюр и принялся подниматься по лестнице в мужскую часть общежития. Можно, конечно, на лифте, но нужно тренировать мышцы.

Касьян, который в отличие от него, подъёмником воспользовался, уже валялся на кровати. Цедил настой антидонника, отходил. Как говорят Магистры, восстанавливался. И вид у него был такой в общем... Краше в гроб кладут.

Он поднял усталый взгляд на Юджина, когда тот вошёл и прикрыл за собой дверь.

А потом сказал неожиданно:

- Хорошая девочка, светлая.

Юджин даже зубами скрипнул. С досады. Или стыда?

- Глупая, - процедил он.

- Глупая, - не стал спорить Касьян. Уголок его губ дрогнул в полуулыбке. - А мы какими были, когда сюда попали?

Юджин нахмурился и пожал плечами.

- Да я как-то без иллюзий. Меня отец сдал. Продал, то есть. Ну как отец... Отчим. В общем, я знал, куда меня везут.

- А я сам пришёл, представляешь? - неожиданно широко улыбнулся Касьян. - Лыбился шо дебил, руки всем жал. Магистров... думал расцелую.

- Шутишь, - криво ухмыльнулся Юджин.

Касьян лукаво прищурился.

– Не во всём.

– И долго радовался? – не выдержал Юджин. – До «первой крови»?

– До «забора», – кивнул Касьян. – Да и потом... Знаешь, я же был весь такой идейный... Думал, жертвую часть магии на благо Триума, мол, доброе дело. Ну и верил в весь этот бред про гражданина Преториума, бьющегося сердца Триума, – продекламировал он, подражая Магистрам. – Верил, понимаешь? Кто ж знал, что они здесь выдаивают нас досуха...

– Все знают, – буркнул Юджин.

– Не все, – покачал головой Касьян. – Вон, девчонка новенькая явно не в курсе. Оно и понятно. Наверное, из какой-то глубинки. Ты же вот сам, из Багрового Каньона?

– Рядом, – хмуро ответил Юджин. – Наш дистрикт в дне пути. По магистрали, оно, конечно, быстрее...

– Вот видишь, – перебил Касьян. – Там у вас Хазира недалеко. Так что...

– Ей, наверное, «пустили» уже, – задумчиво пробормотал Юджин, чувствуя себя почему-то сволочью.

– Нет, на Распределении не пускают, – покачал головой Касьян. – Завтра. Завтра и куратора к ней приставят. Ты присмотри, Юдж, чтоб не обижали её, ладно? Глупышка ж совсем.

– Ладно, – нехотя пообещал Юджин. И ещё более нехотя добавил сквозь зубы: – И впрямь глупышка.

Глава 3

Бенжамин

Не собирався он вмешиваться. Магистры редко вмешиваются в личные дела студентов. И уж тем более нет до их разборок никакого дела деканам.

Тем более если ты к Аусвер имеешь самое косвенное отношение. Начальство, типа. По совместительству декан «Претория», или, если аббревиатурой от официального названия, ПУЭМа – Правительственного Университета Экспериментальной Магии. В общем, привык (должен, сфинксы его дери, привыкнуть!!!) смотреть на студентов Аусвер как на расходный материал. Живые – пока ещё живые – накопители энергии...

А вот на проверку оказалось (в который раз!), что не так уж и привык.

Наверное, потому что с виду девчонка, которую Эдгард приволок из дистрикта-113-А была совсем ребёнком. Эдгард, кстати, дубина. Как есть дубина. Его за чем отправляли в ту дыру? Правильно, за Свитком. Ну или на худой конец, за знаменьями...

А вернулся мало, что без Свитка и без знамений, так ещё и с этой дурочкой восторженной.

Бенжамин на миг представил, что будет с девчонкой, когда поймёт, что из себя представляет Аусвер, зажмурился, содрогнулся всем телом и испытал странное облегчение от того, что присутствовать при этом не будет.

Да какого сфинкса!

Девчонке-альбиносу ещё повезло, что в Аусвер попала!

А ведь могла бы и в Хазиру. А там и до Диких земель недалеко.

В Танхари, между прочим, на альбиносов охотятся. По-настоящему. С копьями и трубками с отравленными иглами. Население там тёмное, дикое. Магии у них нет: Четырёхликая не одарила своей милостью.

Тамошний культ основан на суевериях и дурацкой пустышке-вуду. Вот вроде и есть в этом что-то, – черепа-иголки-курильницы, – романтика, одним словом, хоть экскурсии вози, а результата всё ж никто своими глазами не видел. Стоит

ли удивляться вере дикарей, что сердце альбиноса дарит небывалые силы?

Нет, не собирался он за неё заступаться...

И выходить из сегрегационной пагоды навстречу не хотел...

И уж тем более не собирался отодвигать студента ментальным щитом.

Но взбесил этот рыжий, что на неё наехал! Взбесила её покорность, искусанные губы, слёзы в непривычно розовых глазах. Она ведь слова ему не сказала! Молча проглотила обиду, словно всю жизнь только этим и занималась – терпела. И только по сморщенному носу и дрожащему подбородку видно было, что вот-вот разревётся.

И без того Четырёхлика не была к ней милосердна.

Это ж надо! Родиться непохожей на остальных. Для «темноты», что населяет дальние дистрикты, она, должно быть, урод... Да и Триум, конечно, не Дикие земли, но всё же альбиносы и здесь редкость.

Повезло...

Останься она дома, Бенжамин не дал бы за её жизнь и пьеса.

Поднимаясь с девчонкой в Распределительный отсек, Бенжамин снова и снова убеждал себя в том, что она и так, и эдак не жилец. Альбиносы в принципе долго не живут, даже если на них не охотятся танхарцы с размалёванными рожами и в набедренных повязках. Так что должна гордиться, что её дар (так ли он велик, как светится её аура?) послужит благу Триума.

И всё же что-то не складывалось.

Зря он сюда припёрся. Ведь Эдгард доложил по телефону, что ни Свитка, ни знамений нет, зато «обнаружил магичку с сильным даром». Которую «в Аусвер по дороге закинет».

И вот эта самая «магичка с сильным даром» каким-то образом умудрилась пробудить в Бенжамине надёжно спрятанную совесть и ещё более глубоко запрятанные эмоции.

Оба они умудрились.

Бенжамин забыл на миг, что и тот, рыжий, по сути смертник, и эта.

Какое ему до них дело...

– Сюда, – сказал он, нажимая кристалл в стене, отчего двери перед девчонкой разъехались в стороны. – Вещи можешь оставить здесь.

Девчонка кивнула и поставила чемодан на кафельный пол. Вокруг вмиг образовалась лужица. Проводив абитуриентку задумчивым взглядом и вздрогнув, словно двери, съезжаясь, прищемили ему нос, Бенжамин бросил взгляд на чемодан и поморщился.

Нет, не пожалел он её, но всё же... Не по-человечески это как-то.

Со вздохом щёлкнул застёжками чемодана, выудил из центра ладони Ледяную Стрелу, ощущая себя вором или, того хуже, извращенцем. Не хватало, чтобы кто увидел.

Несколько секунд сильнейшей концентрации... и когда облачко пара рассеялось в воздухе, нехитрый скарб Авроры Зайко был сух, чист, сложен ровными аккуратными стопками. В воздухе стоял аромат морозной свежести.

Бенжамин покачнулся и опёрся о стену, тяжело дыша – на несколько мгновений перед глазами потемнело, тело прошило тупыми ледяными спицами. Он уж думал, что вот оно, здравствуй, новый припадок, но нет. Приступ схлынул также внезапно, как подступил.

Магистр пересёк зал и занял место в главной нише.

Коснулся панели и тотчас чёрный экран перед ним засветился.

Дисплей бесстрастно отображал, как абитуриентка в мокром грязном платье смущённо перетаптывается с ноги на ногу в пустом тёмном зале, явно не понимая, что делать дальше.

Остальные кристаллы на панели горели зелёным. Что значит, ректор Аусвер и пятеро Магистров уже на своих местах. Ждали только его. Ещё бы, «Преторий»...

- Начинаем, - сухо сказал он и кристаллы замигали в нетерпении.

Бенжамин придвинул к себе микрофон.

- Подойди к трибуне, Аврора, - сказал он.

Девушка вздрогнула, заоглядывалась, явно не понимая, откуда раздаётся голос. Бенжамин знал, что голос его звучит холодно, металлически. Слово говорит не живой человек, а та самая Сфера Истины - байка для студентов.

Вот девчонка нашла взглядом возвышение посреди зала, под мерцающим куполом - магическая проекция того самого купола, что над башней. На каждой из семи стен вокруг - по большому овальному зеркалу. То есть для неё - зеркалу. На деле - за каждым из них находится Магистр.

Сфера Истины определяет уровень магического дара, как же!

На деле всё гораздо проще.

- Разденься, - отдал он следующий приказ, когда абитуриентка приблизилась, наконец, куда было сказано.

Девчонка нервно огляделась по сторонам. Поскольку она стояла лицом к «его» зеркалу, от Бенжамина не укрылся ни страх в широко распахнутых глазах, ни закушенная губа. В отблесках магического купола её волосы отливали розовым, а расширенные от страха, расплывшиеся на всю радужку зрачки были фиолетовыми.

А ведь она красивая.

- Одежду можешь положить на кушетку, - слишком поспешно добавил он.

В тот же миг центр трибуны пронзил круглый, с ровными краями, столп света. И та самая кушетка проступила у основания трибуны. Если б Аврора не заметила её, наткнулась бы через секунду.

Девчонка поморгала от яркого света, и больше она не колебалась.

Кивнула - не то его голосу, не то собственным мыслям, потянула завязки плаща. Избавившись от него, стянула мокрое платье через голову. По худенькому телу прошла дрожь. Неловко скомкав серую ткань, положила рядом с плащом на кушетку, оставшись в лифчике, трусиках, плотных шерстяных чулках и коротких сапожках на низком ходу.

Подняв голову, снова посмотрела прямо на него, словно могла видеть сквозь магические преграды.

Бенжамин сглотнул.

Вот в длинном бесформенном платье, словно с чужого плеча, явно подчёркивающим её худобу, была девчонка-девчонкой, а сейчас... Нет, формы девушки не отличались особой пышностью, но всё же они были. Ещё как были!

- Сколько тебе полных лет?

- Двадцать два, - её голос дрогнул.

Хм... А ведь она из дальнего дистрикта, жила среди людей, не магов. У них, пожалуй, считалась перестарком. Для мага же двадцать два - это младенчество. Бенжамин перевёл взгляд на её Дело, услужливо выведенное на малый экран Эгдардом - замужем не была, с парнями не путалась. Очень и очень странно.

Бенжамин чуть не хлопнул себя ладонью по лбу. Ну конечно! Кто в здравом уме женится на альбиносе? Странно, что вообще дожила до своих лет. Он слышал, что в глубинке младенцев-альбиносов выносят на солнце и ждут, что Четырёхликая смилостивится над ними. Даже матери не кормят их грудью, не хотят привязываться.

– Полностью, Аврора, – сказал он и когда в фиолетовых глазах застыло непонимание, добавил: – Раздеться надо полностью.

Закусив губу, девушка кивнула.

Затем быстро сняла лифчик, стянула трусики. Упёрлась носком одного сапожка в пятку другого, неловко покачнулась, взмахнула тонкими руками... В последнюю очередь скатала мокрые шерстяные чулки.

– Встань в круг.

Хорошо, что микрофон меняет голос. Сам-то Бенжамин слышал, как голос его охрип. И даже как будто... дрогнул? Чуть.

Студенты Аусвер – бесполое существа, без права на магию и голос. Топливо благополучия Претория – бьющегося сердца Триума.

Но эта девочка, послушно взошедшая на трибуну и шагнувшая в столп света посреди... Девочка с белоснежной кожей, длинными, по пояс, белыми локонами, широко распахнутыми глазами и беспомощно приоткрытыми губами... Девочка, стыдливо прикрывающая ладонями грудь... Кстати, довольно-таки пышную, высокую... Эта девочка вызывала сложные, очень сложные и противоречивые эмоции. И преобладающей было раздражение. Почти злость.

И... что-то ещё, в чём Бенжамин не собирался признаваться даже самому себе.

Кто-то из Магистров вздохнул, почти всхлипнул – Бенжамин услышал этот всхлип по внутренней связи. Тотчас зубы его сжались, а брови столкнулись у переносицы.

На всех экранах, кроме главного, за которым сейчас он – лишь световые потоки и отпечаток её ауры. Значит ли это, что какой-то из них сейчас дал сбой?!

Эта мысль повлекла за собой приступ ярости.

– Вы на ауру... – глухо пробормотали по внутренней связи. – Вы ауру её видите?!

Бенжамин быстро перевёл взгляд на шкалу, отображающую магический дар и закашлялся.

Двадцать восемь?!

Но... как такое возможно?!

Может, с приборами что-то? Может, они вышли из строя? Сошли с ума?!

Самый сильный дар за всю историю Аусвер был зафиксирован семнадцать лет назад. У добровольца, кстати. «Преторий» год шумел, как улей. Девятнадцать! Девятнадцать, мать его, маг-кубов!! У Бенжамина самого было четырнадцать, – подскочило с отметки «семь и три четверти» после Ритуала – и он по праву считался одним из сильнейших магов Триума.

Но... чтобы такое?!

Он быстро перезапустил панель, вывел данные на дополнительные дисплеи, сбросил, запустил снова. Накинул браслет-напульсник, такие все студенты Аусвер носят, дождался отображения личных данных. Всё верно. Четырнадцать. Даже чуть меньше – потратился на щит и сушку вещей девчонки.

Приборы работали исправно.

Прикрыв рукой микрофон, чтобы Аврора не услышала его, Бенжамин бесстрастно произнёс:

– Двадцать восемь по шкале Муррея. Стихия – вода.

– В сто тринадцатом-А-дистрикте её считали ведьмой, – раздался голос Эдгарда, который, оказывается, тоже присутствовал на Распределении. Видно, любопытство удержало в Аусвер, и эмиссар напросился в нишу к одному из Магистров... – Из-за паводков.

– Я думаю, – сухо согласился Бенжамин. – Удивительно, как сто тринадцатый-А-дистрикт вообще выстоял, как она его не утопила...

– А она и...

– Достаточно, – отрезал Бенжамин. Эдгарду лишь бы языком потрепать, соскучился по общению с равными, путешествуя в компании дуболомов-миротворцев. А тем временем все они пялятся на неё, голую... Сфинксы! Да ведь это он только её видит! На экранах остальных лишь световые потоки. А она... по-прежнему такое ощущение, смотрит прямо на него и трясётся не то от страха, не то от холода.

– Какую специализацию ты бы сама выбрала, Аврора? – спросил он.

Глаза девчонки от этого вопроса так и загорелись. И от этого она стала ещё краше. Бенжамин скрипнул зубами.

– Факультет? – всё же осторожно уточнила она.

Бенжамин вздохнул.

Факультет... Были факультеты, да все вышли. Тут не каждый год полноценный класс для каждого курса днём с огнём собираешь, не то, что делить поток на факультеты... Впрочем, приток магии есть, и даже чуть всколыхнулся за последние годы – и то сахар.

– Факультет, – подтвердил он.

– Магмеханика! – ни секунды не раздумывая, выпалила Аврора явно заученный термин.

Кто-то из Магистров собирался высказаться по внутренней связи. Хорошо бы не ректор, а то было бы как-то совсем неудобно. Потому что Бенжамин заглушил входящий сигнал и сказал в микрофон:

– Хорошо, в твою индивидуальную программу добавят дисциплины магической механики.

И девчонка улыбнулась. Впервые. Слово солнце выглянуло из-за туч.

– Можешь одеваться, – не то с облегчением, не то с сожалением продолжил Бенжамин. – Выйдешь через ту же дверь, что вошла. Там тебя ждут, чтобы отвести в комнату. Обед через два часа, – зачем-то добавил он. Не потому ли, что вид у неё жалкий и голодный?

Проводив взглядом невысокую фигурку, Бенжамин дезактивировал экран.

Ну вот и всё. Посмотрел на «магичку из дальнего дистрикта».

Теперь домой. Точнее, на работу, которая за столько лет стала домом. В «Преторий», будь он неладен. В Правительственный Университет Экспериментальной Магии.

Впереди лишь мрак, пустота, припадки, приступы невыносимой боли. Рутин...

Внезапно очень захотелось остаться в Аусвер...

Глава 4

Аврора

Нет, если, конечно, начистоту, слово "чудесно" неприменимо к моей жизни в принципе.

С самого её начала и по сегодняшний день...

Радуюсь тому, что платье и бельё, которое я оставила на кушетке на время Распределения (и совсем не страшная оказалась процедура, разве что какая-то странно-волнительная, что ли...) чудесным образом высохли и ещё активнее радуюсь тому, что оставленный чемодан тоже каким-то странным образом высох, кроме того, с него, похоже, кто-то заботливо обтёр грязь – дай Четырёхликая здоровья местным уборщикам! – я следовала по нескончаемым коридорам Аусвер за самым настоящим... призраком!

Да-да! На этот раз моей провожатой оказалась высокая призрачная дама с капризным лицом, пышной, какой-то до невозможности эпатажной причёской и в странном платье, которое мне поначалу показалось рваным и каким-то сикось-накось, пока я не догадалась, что это крой такой... хм, специфический.

Время от времени я пыталась заговорить с дамой, но, к сожалению, у меня никакого опыта общения с призраками. В родном дистрикте их не было, в родительском домике тем более... а жаль. Было бы куда веселее. Уж мне так точно.

Начать с того, что дама светилась! И чем глуше становился полумрак бесконечных коридоров, тем ярче проступало свечение. А ещё её пышная (с одного, правда, боку) юбка шелестела не то при ходьбе, не то при полёте. Согнувшись на ходу и приглядевшись, ног под юбкой я не разглядела и потому решила остановиться на последнем.

На вопросы – «Как её зовут?» (он же перефразированный – «Как я могу ней обращаться?»), «Как она стала призраком и оказалась в Аусвер?», «Много ли их здесь и почему она меня сопровождает»... «Работает здесь?», «За оклад, серьёзно?», «Но какой оклад можно предложить, простите, призраку?», «Ведь деньги вам ни к чему?» – призрачная дама не отвечала, лишь морщила призрачный нос и поджимала призрачные губы.

Я на ответах не настаивала. Правда, когда начала вслух размышлять о природе призраков дама резко, рывком развернулась ко мне, смерив таким уничижительным взглядом, что я застыла с прямой спиной, руки по швам и часто заморгала.

Призрак же метнулся ко мне, оставляя за собой светящийся след и проорал:

– Ты понятия не имеешь, ЧТО Я ТАКОЕ!!! – при этом вопле рот призрачной дамы раскрылся так широко, что при желании я могла бы засунуть ей в рот голову, как укротитель тигру на ярмарке.

Дама, видимо, собиралась напугать меня как минимум до икоты, как максимум – до седых волос, но эффект вышел прямо противоположный.

Во-первых, я была рада, что меня, наконец, заметили. И даже заговорили. А во-вторых... Я, конечно, точно не уверена, но в искажённых призрачных чертах проступило вдруг что-то такое знакомое... Рискаю показаться сумасшедшей, поясню: что-то такое близкое, почти родное... И... я невольно шагнула вперёд, словно и впрямь собралась поместить свою голову в широко распахнутый светящийся в полумраке рот.

Не ожидающая такой реакции дама отпрянула и посмотрела на меня с недоумением.

- Очень странно, - пробормотала она. - Нетипично и неэтично! Вообще-то студентки от меня шарахаются, как сфинкс от отгадок.

- Шарахаются? - настал мой черёд удивляться. - А разве вы страшная?

Дама, похоже, оскорбилась.

- А разве... НЕ-Е-Е-ЕТ?!!

Ну, если на меня с первого раза эти вопли особого впечатления не произвели, не стоило и пытаться во второй...

- Мне так не кажется, - вежливо ответила я. - Как по мне, вы очень красивая. Одеты, конечно, немного странно, но ведь это дело вкуса.

К моему изумлению, призрак расхохотался.

- Я?! Одета странно?! Да к твоему сведению это самая последняя мода Преториума! Была! Всего каких-то сто девятнадцать лет назад! То, что носят сейчас и в подмётки не годится моему наряду! Четырёхликая!.. - она с сожалением оглядела себя. - Как много я отдала бы за цвет...

- Цвет? - не поняла я.

- ЦВЕТНЫЕ ОБОРКИ!!! - рявкнула дама и, подумав, добавила: - И пару париков. С перьями...

– Вам бы пошло, – робко подтвердила я. – Хотя у вас и без того очень... хм, красивая и необычная причёска. Я впервые такую вижу.

– То-то же, – удовлетворённо хмыкнула дама и понеслась вперёд, больше не проронив ни слова.

Я вздохнула и тоже прибавила шаг. Что ж. Какой-никакой, а первый контакт налажен. И не самым худшим образом, кстати. Дама не назвала меня уродом, не смотрела с брезгливостью и лживым сочувствием.

Можно сказать, отнеслась ко мне по-доброму.

А доброту я помню.

У меня вообще хорошая память.

Следуя за призраком по лестницам, коридорам, анфиладам с живыми картинами и статуями, бормочущими скрипучими, занудными голосами, я продолжала размышлять о многозначности и этимологии слова «чудесно» и его применимости к моей жизни...

Глава 5

Аврора

Взгляд в прошлое

Прежде всего начать следует с того, что родилась я в маленьком, глухом, забытом Четырёхликой дистрикте на берегу речки Данаи, что впадает в Таласское море.

Кстати, когда я называю свой дистрикт забытым Богиней, ничуть не лукавлю: таким маленьким и неприглядным дистриктам, как наш, даже названия не положено. Только порядковый номер. Дистрикт-113-А. Но размеры родного

дистрикта не самая главная моя беда (эх!).

Родилась я не как все, а в ночь страшного паводка, который смыл с берегов рыбацкие сараи, пару ветхих домишек и часть посевов.

А ещё я родилась альбиносом.

Уродом с красными (ладно, ладно, светло-розовыми) глазами и белыми волосами.

В остальном я была совершенно обычной, и, даже, скажу без лишней скромности, хорошенькой.

Но на контрасте со смуглыми чернявыми односельчанами... увы.

С самого моего рождения весь дистрикт от мала до велика шарахался от меня, обзывая ведьмой и пророча беды, которые я навлеку однажды на их головы.

Не знаю, как где, но у нас нравы в том, что касается «белых», или «седых» детей, суровы.

Седых от рождения детей, которые не переносят солнечных лучей, чья кожа от малейшего контакта с солнцем покрывается отвратительными волдырями, а зрение уходит и больше не возвращается, у нас принято выносить на солнце ещё малютками и молиться всем дистриктом, чтобы их прибрала Четырёхликая.

Но меня эта чаша минула.

Причём... та-дам!.. благодаря самой Четырёхликой!

Так может, Богиня не так и несправедлива ко мне, как может показаться на первый взгляд?

Правда это или нет, но, когда мама носила меня, Богиня лично посетила её.

В тот год – все односельчане сходятся во мнении – Таласское море особо буйствовало, и Водная Яма расширялась в эти бури, утягивая в свои чёрные

недра идущие мимо корабли.

Море бушевало, ревело, взмывало к самому небу, точно хотело достучаться до богов!

И губило, губило... Корабль за кораблём, дистрикт за дистриктом....

Доставалось и дистрикту-113-А, даром что тот пристроился в небольшой бухте устья реки Данаи.

На речке в тот год тоже шёл паводок за паводком, один страшнее другого. Губил посевы, смывал целые пастбища вместе со скотом...

Надо признаться, у меня не вполне типичная реакция, когда размышляю об этом.

Не как у... обычных людей. Видно, в чём-то я и в самом деле урод.

Просто, когда слышу о ярости моря, всё внутри сжимается, леденеет. Становится жалко... моря. Ведь оно живое! Дышащее! Чувствующее! И вот живое существо (пусть и огромное) снова и снова разбивается о скалы, омывает небеса солёными слезами-брызгами, силится что-то сказать... А его не слышат. Согласитесь, есть от чего психануть! И тогда оно выходит из берегов...

Ух конечно, в тот год жрецам было не до откровений жены рыбака.

Или, правильнее сказать – было бы?

Когда мама рассказывала эту историю лет десять назад, накануне рождения братишек, она особо подчёркивала тот факт (и при этом косилась на отца), что Богиня «почтила её своей милостью» во сне.

Я же помню, как она рассказывала о встрече с Четырёхликой, когда я была совсем крошкой...

Пока отец не отвесил ей подзатыльник и не посоветовал в грубой форме держать язык за зубами.

...Мама тогда ещё знать не знала, что беременна.

Она стояла на самом высоком утёсе и смотрела, как беснуется, рвётся из берегов Даная. Бурление обычно спокойной реки ничуть не пугало маму в тот год, а необъяснимо манило. Небо было затянуло грозowymi тучами, разбухло от чёрной волглой тяжести... Вот-вот прохудится, разорвётся мириадами водных потоков, прошьёт стремящуюся к нему речку насквозь...

По рассказам мамы, воздух так сгустился и потемнел, что она ничего не видела на расстоянии вытянутой руки.

И вдруг пред ней предстала бледная призрачная фигура!

Несомненно, это была сама Богиня! Мама сразу признала её, не усомнившись ни на миг! Неправдоподобно красивая, светящаяся! Стоило ей проступить из воздуха, как мама ощутила, что её переполняет божественная благодать! Хотелось плакать и смеяться одновременно, а ещё пасть ниц и возносить молитвы... Это могла быть только сама Четырёхликая!

Но ещё больше поражал взгляд незнакомки, устремлённый на живот скромной жены рыбака... по словам мамы та смотрела так, словно под сердцем у рыбачки сокровище! Так люди смотрят на деньги, на большое количество денег, которое им не принадлежит и никогда принадлежать не будет. С надеждой, с невыразимой тоской...

А потом вдруг призрачная рука легла на пока ещё плоский живот и губы Богини дрогнули.

– Аврора, – еле слышно произнесла она. – Ав...ро...ра...

И в тот же миг Богиня исчезла!

И, как это случается только в сказках, небо разом посветлело, паводок пошёл на убыль, бушующее вдалеке Таласское море затихло... И долгие годы потом Водная Яма не требовала жертв.

Может, мама и остереглась бы рассказывать жрецам о случившемся, но как-то стремительно всё тогда наладилось и люди вовсю славили Четырёхликую... Ну, мама и решилась.

И про то, что Богиня руку ей на живот положила, и про то, что имя ребёнка подсказала. Жрецы сперва восприняли рассказ рыбачки скептически (а вы бы поверили на слово? То-то же), но потом, когда та оказалась в положении, всё же решили поверить.

Ну, потому что слишком уж много совпадений!

Было объявлено во всеуслышание, что жена рыбака Мариша Зайко носит под сердцем дар Богини.

Даная затихла и не выходила из берегов целых девять месяцев.

И ровно через этих девять месяцев в ночь самого страшного паводка за всю историю дистрикта-113-А (правда, справедливости ради, стоит заметить, что в ту ночь никто не пострадал) родилась я.

И одним фактом своего появления на свет разочаровала всех, вообще всех.

От отца и старших сестёр до жрецов и односельчан.

Нет, море больше из берегов не выходило (причём долгие годы!), паводки тоже унялись.

Но как, скажите, считать даром великой Богини «седого с рождения младенца» с красными кроличьими глазами, урота и калеку?

Мама ведь ещё Богиню послушалась, Авророй меня назвала! Как ей отец разрешил, ума ни приложу. Не Зирой, не Тарей, не Васей, а Авророй!

Словом, не так, как принято детей у нас называть.

И, как это у нас, опять же, заведено, – меня с детства дразнили. Сильно дразнили. Не сестёр с обычными человеческими именами – Зину, Власю, Зосю,

Оленю, нет, а меня.

Потому что «Аврора». Потому что – урод.

Потому что не такая, как все.

– Рошка – рыбёшка, нос как картошка!

– Рошка-окрошка, зад как лукошко!

– Рошка – зелёная помойная мошка...

– Рошка-хромоножка!

– Рошка – худые сапожки!

– Рошка – на башке рожки!..

И так далее и тому подобное. Фантазия у детей богатая, а чувство жалости ещё проклюнуться не успело...

К слову, когда отец впервые меня увидел, сразу велел на солнце выставить, чтоб Четырёхликая, значит, прибрала «горемыку».

Мать же, рискуя нарваться на колотушки, к жрецам бегала жалиться. Мол, так-то и так-то, решили же, что «дар», перед людьми, опять же, объявили, теперь неудобно. Да и паводки вроде как на нет сошли. Надо беречь, значит. А ну как Богиня прогневится, что её «дар» не уберегли? Да и смочет весь дистрикт к сфинксам?

Жрецы посоветались, и, под влиянием последнего аргумента повелели беречь меня от солнца.

Ну и берегли, как могли. Из дому выпускали лишь ранним утром, пока солнце не взошло или уже вечером. Но я, учитывая ко мне отношение сверстников, не очень-то сама рвалась на улицу. Если б ещё отец не ворчал, что растит в своём

доме урода да дармоеда... Помощь матери по дому не в счёт.

Сёстры, вон, и сети помогали ставить, и лодки смолили, и рыбу ловили. Отрабатывали приданное... А меня к рыбацкому промыслу не допускали. Плохая примета, мол.

Но зато меня сторож нашей молельни из всех детей выделял! Жалел...

И когда подросла, даже взял в помощники. Пол в храме мыть, двор мести, пыль с корешков протирать. Он же научил и чтению, и письму. Оклад жрецы не платили.

Правда, кормили тем, что от подношений прихожан оставалось, и это хоть как-то отца утешало.

Вообще он, видя мою тягу к храму, даже пытался в Оракулы меня определить, чтобы, значит, избавиться, или, как у нас говорят, руки умыть.

Жрецы посовещались и пригласили коллегу из самого Зенона, проверить меня, значит, на Оракульский дар.

Увы, и тут отца ждало разочарование.

Прибывшие Зенонские жрецы никаких талантов к Голосу Богини у меня не обнаружили. И, кстати, магического дара тоже.

То, что я магичка – как-то случайно обнаружилось, и то совсем недавно.

Но если по порядку – приезд гостей из Зенона дорого обошёлся дистрикту-113-А. В буквальном смысле.

Жрецы, опять же, посовещались (что-что, а совещаться они умеют) и обязали выплачивать долги, в которые храм влез, – ни много ни мало пятнадцать пьесов и шесть су... правильно, Мариша Зайко, который всех и взбаламутил. То есть моего отца.

В тот день он так меня выпорол...

Еле ноги унесла, пока он отдыхал, чтобы ко второй части «воспитательной беседы» приступить. Неделю носа не высывала из сторожки, – сторож при молельне меня пригрел и даже примочки на ушибленные места ставил, а ещё кормил чёрствыми пряниками... вкуснотища!

На отца я была не в обиде, кстати. Жил как умел. Из шкуры лез, чтобы сёстрам на приданое скопить. Все сбережения тогда ему пришлось храму отдать.

Но, на моё счастье, после меня один только раз Четырёхликая «наказала» Мариша Зайко девкой, а на следующий год «одарила» двумя сыновьями сразу.

Правда, мама последние роды недолго пережила...

Вскоре в доме у нас появилась мачеха – бездетная вдова, которая приняла всех нас, как родных. Одна за другой вышли замуж старшие сёстры, потом – младшая. Не все счастливо, но... Для меня мало что изменилось.

Мачеха, наконец, родила отцу сына, потом второго, третьего... поэтому моя помощь по дому пришлась очень кстати. Словом, жизнь текла своим чередом, что та Даная.

Я нянчила братьев, по-прежнему помогала в молельне и старалась меньше маячить у отца перед глазами.

Нелюбимый ребенок не значит не любящий... Но об этом сложно говорить.

Лучше расскажу, как у меня обнаружился магический дар.

Это случилось неожиданно в первую очередь для меня самой.

...Я лежала в горячке, когда однажды ночью наш дом обступили люди с факелами.

Мариш Зайко растолкал нелюбимую дочь и сообщил, что «народ требует ведьму на суд». Так сказать, «призывает к ответу».

Надо сказать, я слабо соображала из-за жара.

Помню, как трясла головой, пытаюсь сообразить, что к чему, почему мачеха жмётся к печке, прижимая к себе сыновей...

Помню, как отец, пустив суровую мужскую слезу, открывает двери односельчанам...

Не били, нет. Наоборот, старались держаться подальше, выставив перед собой вилы.

Очумело мотая головой, поджимая босые ноги (обуться-то не дали), сообразила, наконец, чего от меня хотят. То есть за что судят.

Дело в том, что незадолго до обозначенных событий, меня, по словам односельчан, «застукали за волшбой».

Дело было так...

Я как раз возвращалась из молельни, когда услышала жалобный детский плач.

Скажите, в каком дистрикте не плачут дети? Да по сто раз на дню глотки рвут, и громче всех – мои же братья, так что можно было спокойно идти себе мимо. Но что-то всё же тогда меня остановило. На свою беду. Или на счастье?

Ревела во всё горло соседская девчонка, Маняшка. И не просто так ревела, а по делу.

Дело звалось «Бусик», и было оно уж целый месяц как усатым-полосатым-и-вообще-любимым-до-невозможности, а сейчас же истово барахталось в колодце. Само или какие мальчишки помогли (я, если честно, братьев заподозрила) – не известно, у колодца на тот момент только Маняшка и была.

Размазывая по чумазой мордашке слёзы, надрываясь, звала Бусика...

Что-то тогда в душе лопнуло. Да и Бусика с Маняшкой жалко стало...

Я сама не поняла, как это случилось, честно... Только тело словно насквозь прошло разрядами тока, ладони чуть не задымились... А в следующий миг над колодцем поднялся столп воды. С ошалевшим Бусиком на пенном гребне.

Прижимая к себе мокрого, несчастного до невозможности котёнка, девочка унеслась, со страхом на меня оглядываясь.

А у меня ноги подкосились, в голове шумело, а перед глазами заскакали мошки.

Мачеха, обнаружив меня у колодца, пощупала лоб и пенять не стала за то, что припозднилась. Уложила, даже компрессы на лбу меняла. Кажется... Я это всё как в тумане помню. Сильная горячка началась, а тело обмякло и было словно не моё, слушалось через раз.

Вот, именно тот случай «на суде», который состоялся на месте, не отходя от отчего дома, мне и припомнили.

Главным аргументом односельчан было то, что «Эда ж какая силища-то у красноглазой ведьмы?!». И – «А ежели она паводок подымет?!» А ещё – «Али землю, наоборот, иссушит, это ж без урожая останемся!».

Словом, то, что я – ведьма, было определено сходу и вверялось мне в вину априори, не требуя доказательств. Доказательства вон они – счастливый и здоровый Бусик и вцепившаяся в него напуганная и избегающая поднять на меня глаза Маняшка.

И никому невдомек, что не смогу я никакой паводок поднять! Даже если в Данае всю скотину перетопят...

Вон, из колодца непонятно каким чудом воду подняла – и вся выдохлась. Так, что тут же в горячке свалилась...

Первые выкрики «Утопить!», «Утопить проклятую ведьму!» я пропустила.

Словно сквозь толщу воды слушала вердикт жрецов, что «Вода сама разберётся, кто ведьма, а кто нет». Мол, если я и вправду ведьма, то, конечно, выплыву. А если нет... Впрочем, на эту тему семантических отступлений не было.

Я смотрела в перекошенные от ярости и страха лица односельчан и не верила. Не хотела верить. Мы же здесь все друг дружку знаем. Неужели ты, Альшанка, желаешь мне смерти? А что детям скажешь, почему тётя Роша не пришла поиграть с ними? Или ты, Малинка? Как просить с закатками на зиму помочь, или по ягодным местам меня тягать так ты первая... Нет. Я просто не могла в это поверить. Слишком оно всё напоминало фарс.

А потом поверила.

Когда отец заговорил и все разом замолчали.

– Если её сейчас Четырёхликая приберёт, искупит этим Рошка все свои грехи, – и, не глядя на меня, скрылся в доме, толкая перед собой в спину мачеху, прижимающую к груди младенца. Ромка даже не проснулся...

Я даже уточнить, это какие-такие у меня грехи, не успела.

Набросились скопом, хоть я и не сопротивлялась, всё поверить не могла... Связали за спиной руки, притащили на берег. Камень на шею повесили, пришлось на четвереньки упасть, и носом в этот самый камень ткнуться. Больно, кстати, было.

В общем, собирались уже топить, простите, «испытывать».

Ведьма всё же или нет...

Как кто-то крикнул:

– Миротворцы!

А миротворцев у нас, как и везде, боятся до одури...

После уже в толпе миротворцев мага разглядели и вовсе притихли. Потому что магов, понятно, шугаются пуще миротворцев...

Маг шёл не спеша, толпа же перед ним расступалась, что воды перед Четырёхликой. Приблизился, верёвку с шеи стянул, лицо за волосы на себя

поднял... поморщился. Ну, это пережить можно было. В глазах мага интерес мелькнул, а того, кто интересен, как известно, не топят.

Откуда-то со стороны доносился голос старосты, мол, так и так, ваша светлость, имеем все основания предполагать, что девочка – ведьма.

Маг не отвечал. Вместо ответа вытянул цветной кристалл и принялся им вокруг головы водить, и, когда он загорелся, ка-ак заорёт! Если опустить все ругательства и бранные выражения, смысл его гневной речи был таков: мол, пошли прочь, смерды, ведьма ваша никакая не ведьма, а весьма одаренная магесса, и место ей в академии Аусвер, и будет она там на золоте есть и пить, и магию развивать, а по окончании обучения останется в Преториуме, в столице, и всю долгую, полагающуюся магам, жизнь, проживёт в почёте и уважении. И родителей не забудет, конечно. Так-то.

Кстати, по ходу гневного выступления мага выяснилось, что «родителям магического таланта» полагается денежное вспоможение, за то, что вырастили такое чудо чудное и диво дивное, а особенно – за то, что отпускают «дитятко» в академию Аусвер.

Пока отец (я-то думала, он не пошёл смотреть, как меня «испытывать» будут, а нет, рядом оказался), пьасы пересчитывал, шевеля губами, а мачеха меня в дорогу собирала, не жалея собственных ношенных вещей, маг с кристаллом братишек обошёл, а затем и остальных ребятишек дистрикта, которых спешно потащили всем селением из кроватей...

В общем, посетовал, что больше дара ни у кого нет, но потом вспомнил, что «хоть у одной есть» и вроде как утешился.

Во время прощания отец только что не прослезился, всё напутствовал не позорить его и родной дистрикт в Преториуме. А мачеха – та слёз не скрывала. «Ещё бы – бесплатную, бессловесную, и, как правило, бесправную прислугу теряет!» – пронеслась в моей голове крамольная мысль, первая из многих, и я тут же устыдилась самой себя. Но стыдиться дальше было некогда.

Горячка после пары порошков, разведённых в воде, прошла, и дорога в Преториум была веселая!

Ещё бы не весело летать на дирижаблях и ездить самодвижущихся повозках, горло именующихся автомобилями! И ночевать на накрахмаленных простынях в гостиницах.

По дороге господин маг просил показать, что я умею, а мне было страшно, очень страшно его разочаровать. Потому что «операция по спасению Бусика» – это, кажется, мой максимум и вообще случайность. Но следуя приказам, повторяла за магом какие-то языкозавязывающие и зубодробительные фразы, складывала пальцы в сложные фигуры, отчего эмиссар приходил от меня все в больший и больший восторг и пророчил головокружительную карьеру в Преториуме.

Жалела ли я, что пришлось оставить родной дистрикт?

Хм... Если бы, конечно, не предшествующая моему отъезду история с «проверкой ведьмы», я бы, может, ещё и подумала. А так...

Что касается семьи, с этим, увы, было сложнее. Намного, намного сложнее.

Начать с того, что нелюбимый ребёнок отнюдь не значит не любящий...

Сколько ни говори себе, что нельзя, сколько ни ругай себя тряпкой... Как оно зовётся – зов крови? Или просто – сердце? Глупое, абсолютно глупое, живущее в ином мире, нежели разум. Любящее вопреки, а не «потому что»... Но...

По дороге в Преториум у меня было время подумать, хорошо подумать, потому что никто не отвлекал.

И прийти к выводу, что вся моя жизнь в отчем доме, практически с самого её начала напоминала доживаемый старой, ненужной собакой век.

«Старушка», по мнению хозяев, зажила на свете и однажды вместе с объедками хозяйская рука сыплет в миску отраву. Всё ещё чуткий собачий нос чует собственную смерть, дряхлые ноги несут прочь из будки, да и после несправедливых побоев уже не тянет подойти ластиться... Но всё же какая-то сила, которая многократно крепче ржавой тяжёлой цепи не даёт отойти далеко, тянет магнитом обратно. Выглянуть с надеждой из-за угла, несмело вильнуть хвостом, проскулить на своём, только тихо, чтобы не встревожить ни хозяина, ни

хозяйских детей: «Позовите же меня! Я ведь так вас люблю, так скучаю...»

Так и я, ещё там, на берегу Данаи, босая, простоволосая, слушала пророчества мага о том, как разительно с этого самого дня изменится моя жизнь, восторгалась, как ребёнок и только и думала о том, как однажды вернусь в родной дистрикт, на собственном автомобиле, и дам отцу денег, много, столько, сколько сделает его, наконец, счастливым... Мачехе и старшим, безвременно увядшим сёстрам накуплю новых платьев и бус, как у самых расфуфыренных модниц Преториума, и завалю братишек книжками и игрушками, а народившимся за моё отсутствие сестрёнкам дам приданное...

И, может быть, дождусь... нет, не слов благодарности, но хотя бы искренних, честных улыбок, а то и признания, как меня всё-таки любят, как я нужна...

Но чем ближе мы подбирались к Преториуму, ослепительному, великолепному с высоты полёта дирижабля, тем яснее проступала простая, как грошик, мысль, которую прежде я всё пыталась затолкнуть куда подальше.

Они свой выбор сделали.

Это мне трудно было его принять.

Теперь же у меня начинается новая жизнь.

Мне дали ещё один шанс!

«Рошка», нелюбимый ребёнок, урод, «от которого перед людьми стыдно», покоится где-то там, на дне Данаи. Водоросли оплетают её руки и ноги, прорастают в волосы, колышутся над белым лицом. Ей больше не больно, не страшно. Она, наконец, обрела покой.

А вот Аврора, наоборот, только начала свой путь!!!

В дистрикте-113-А она была перестарком, эмиссар же из Преториума снисходительно сообщил, что «двадцать два для мага не возраст». И добавил интимным шёпотом, что ему самому восемьдесят... пять. А может, девяносто. А может вообще, сто двадцать! И, должно быть, сполна насладился

произведённым эффектом – потому что старше двадцати пяти маг ну никак не выглядел!

В дистрикте-113-А она была «проклятой красноглазой ведьмой», а в элитной магической академии Преториума – она юная, одарённая, талантливая магичка, у которой впереди головокружительная карьера и блестящее будущее!

В дистрикте-113-А она была нелюбимым ребёнком, которого терпели рядом с досадой, в Преториуме же она – сирота, сама по себе. Без толпы орущих братишек, цепляющихся за волосы и подол, без необходимости вытирать носы, драить полы, мести двор, кормить уток и свиней и готовить обед. И уж точно не нужно больше вжимать голову в плечи, когда рядом проходит отец и недобро косится «на уroda».

И, несмотря на то, что сразу как-то не заладилось, никто и ничто не помешает ей быть счастливой именно здесь и именно сейчас.

Словом, виват, Аусвер, я пришла!

Глава 6

Аврора

Так что, если не считать досадной стычки с рыжим, можно смело сказать, что в Аусвер меня встретили, как принцессу. Даже, стыдно сказать, пока я была занята Распределением, перестирали и перегладили всю мою одежду.

Призрак леди, который (или которая? хм) так и не пожелал(а) представиться, проводил меня в комнату, огромную, кроватей на пятьдесят, показал, где мой собственный шкаф с маленьким ключиком, в котором уже висела специально для меня подготовленная форма: мантия, два платья – с белыми и чёрными воротничком и манжетами, отделанными красной каймой, две пары шерстяных чулок с поясом, туфли на низком ходу, сапожки, шляпка и перчатки. И, простите, два комплекта нижнего белья. Всё простого кроя, но из добротной ткани.

Пользуясь тем, что в комнате никого не было, – призрак в виде исключения любезно ответил на мой вопрос и сообщил, что все ещё на занятиях, я сразу и с удовольствием вымылась с дороги в огромной душевой и переоделась в новое.

Заплела алой лентой косу, радуясь, что мачеха отжалела единственную нарядную вещь, которая так чудесно подошла к форме первокурсницы Аусвер.

После я обедала – свежей, приготовленной на пару рыбой с овощами и рисовым пудингом под карамельным соусом, за длиннющим столом, правда, пустым, – у остальных обед ещё не начался, меня же, оказывается, распорядились покормить вне очереди.

Затем ходила получать учебники.

Среди учебников, которые сами по себе редкость и настоящее сокровище, оказалось целых два магических фолианта! Но библиотекарь – широкоплечий коренастый коротышка, в котором я заподозрила кровь легендарных дворфов, сурового и трудолюбивого народца гор, – посоветовал не раскрывать магические издания до начала занятий, мол, один – левитирующий, ищи его потом свищи, а второй просто со скверным характером, цапнуть может.

После того, как поместила учебники в тумбу, которая, раскладываясь, превращалась в полноценный письменный стол со стулом (никакой магии, просто «умная» конструкция), призрак леди меня покинул, и я оказалась предоставлена сама себе.

Можно было дожидаться соседок, расспросить, что тут да как, но я не смогла усидеть на месте и решила побродить по Аусвер в одиночестве, так сказать, познакомиться более детально.

Потолки здесь были непривычно огромные, украшенные лепниной, изображающей драконов с широко распахнутыми крыльями, диковинных крылатых львов, огненных птиц с раздвоенными хвостами. При этом меня не покидало ощущение, что они двигались, но только тогда, когда я не поднимала взгляд. Попробовала их «подловить» – и удалось! Стоило поднять голову во второй раз, удерживая перед зрительным взором прошлую «комбинацию», как оказалось, что драконы разлетелись, остался один, самый маленький и, видимо, любопытный. Их место заняли бабочки с метровыми светящимися крыльями...

красиво! Пожав плечами и подмигнув любопытному дракончику, я направилась дальше.

Коридоры, анфилады, лестницы... и конца-краю этому не было.

Откуда-то время от времени доносился смех, осаждаемый строгим голосом – стало быть, совсем рядом идут занятия, но по дороге мне никто не встретился.

В очередной раз (то ли в третий, то ли в четвёртый!) наткнувшись взглядом на статую девы в откровенной тунике, с луком в руках и колчаном за плечами, с прищуром и в целом ехидным выражением идеального лица, я поняла, что каким-то образом заблудилась и хожу по кругу.

– Простите, – деликатно кашлянула я, вспомнив, что, когда меня вела по коридорам призрачная дама, статуи перешептывались за нашими спинами скрипучими голосами. Правда, эта статуя стояла обособленно от остальных, из чего можно было сделать вывод, что она – молчунья, или же наоборот, болтушка и сплетница.

– Прощаю, – ответила статуя с ехидством и демонстративно зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Скажите, пожалуйста...

– Пожалуйста! – отрезали мне злорадно.

– Как пройти в библиотеку? – не сдавалась я и статуя скривилась, должно быть, от моей наглости.

– Скажи, а ты видишь у меня в руках табличку с надписью «указатель»? – ехидно поинтересовались у меня.

– Не вижу, – помотала я головой. – Надеюсь на вашу помощь на добровольных началах, которые со временем перейдут в разряд дружеских.

– Скажи, может ты видишь у меня в руках табличку, на которой написано, что меня волнует, на что ты там надеешься? – продолжала возмущаться статуя,

упирая мраморные руки в бока.

Видимо, я не ошиблась. Эту скандалистку нарочно поставили обособленно. Вот она и злится, и, конечно, не упустила возможности отыгаться на безобидной с виду первокурснице.

И скажу без ложной скромности – это она зря. Жизнь в дальнем дистрикте вообще закаляет. И в эмоциональном плане, и в физическом. Пожила б она с моими братьями... недельку. Вмиг стала бы шёлковой, сговорчивой и благодарной, что руки-ноги до сих пор целы и нос на месте, клянусь!

– Вот вы всё руки, руки, – притворно вздохнула я. – Таблички какие-то в пример приводите... А, скажите, доводилось ли вам, уважаемая, бывать в Зеноне?

– Это ты к чему? – нахмурилась статуя.

– Лично мне не доводилось, – продолжала я размышлять вслух с самым доброжелательным видом. – Но мне рассказывали. У них в каком-то там главном храме статуя есть, работы самого Праксителеса...

Может, имя древнего скульптора ничего не говорило вредной статуе, может, наоборот, говорило слишком много, но моя собеседница смолчала, при этом презрительно поджала губы, чуть не касаясь ими кончика носа.

– Так вот, – как ни в чём не бывало продолжала я. – Статуя та называется не то Зарница, не то Красавица...

– Ты это к чему?

– Да к тому. Что у самой известной скульптуры Зенона, культурного достояния Триума, нет рук.

– Как это – нет рук?!

Я с видимым сожалением развела свои в стороны.

– А зачем они, если она итак Красавица? – пожала я плечами. – Но если вы хотели узнать моё мнение, то табличка с надписью «Указатель», вбитая вам в голову, пришлась бы весьма, весьма кстати.

– Ты не посмеешь!.. – прошипела статуя.

Я оглянулась по сторонам.

– Вы видите здесь хоть кого-то, кто способен мне помешать? – вежливо поинтересовалась я и по сверкнувшим глазам статуи и мельтешению лепнины над головой поняла, что догадка моя правильная: меня намеренно водили по кругу. Вот же вредины!

Видимо, что-то вроде ритуала приветствия новичков у них, эдакой проверки на шивость, извините, прочность.

Нет, конечно, я не собиралась приводить свою угрозу в исполнение, но и сносить насмешки и хамство от каких-то там мраморных истуканов была не намерена. Хватит с меня горгульи во дворе. Что-то мне подсказывает, что каменными крыльями мне чуть по макушке не съездили тоже неспроста. Вон, когда студенты и тот брюнетистый магистр появились, сидела, гадина, хвост поджав, не шелохнулась!

– Направо, четвёртая дверь, два пролёта вниз, седьмая анфилада, налево, пять пролётов вверх, и ты на месте! – сердито проскрипела статуя на одном дыхании и обиженно отвернулась.

– Благодарю за участие, – вежливо поблагодарила я, пряча улыбку.

Всё-таки и вправду по кругу водили, ещё и по безлюдным коридорам. Оборвать бы им уши за такое! Но, что-то мне подсказывает – не поможет.

До библиотеки я так и не дошла.

После получаса блужданий вынуждена была признаться себе, что маршрут, заботливо выпаленный пулемётной очередью вредной статуей вылетел из головы. Точнее, не совсем вылетел, а скорее, перемешался. Из-за чего я

запуталась в этих бесконечных коридорах, лестницах, анфиладах...

Когда услышала голоса – вполне себе живые голоса, уж точно не призраки и не статуи – чуть в голос Четырёхликую не возблагодарила! И пошла, естественно, на голоса. Пора и со студентами знакомиться. В этот раз я не допущу ни единого промаха...

Выйти из-за угла и поздороваться помешало одно: разговор шёл обо мне. Сомневаюсь, что тут каждый день «новенькие».

– Новенькую видел? – спросил мелодичный женский голос с капризными нотками.

– Беленькую такую? Видел, ага. Симпатичная.

– Симпатичная?!

– Да кто-то, как я посмотрю, ревнует! Зря. Кому как не тебе знать, что мне нравятся брюнетки...

Послышались звуки возни. Я хмыкнула. Если ты альбинос из дальнего дистрикта – считай, что у тебя на всю жизнь «венец безбрачия». Он же оберег от насильников и просто домогательств парней из дистрикта. Так что я до сих пор невинна, но отнюдь не глупа. Ясно же, что какая-то парочка милуется подальше от посторонних глаз. Даже неудобно, что подслушиваю. Но прежде, чем я успела деликатно кашлянуть, женский голос заговорил снова.

– Дурак, – сказала девушка снисходительно и немного запыхавшись. Мне даже выглядывать из-за угла не пришлось, чтобы представить, как щёки и губы незнакомки сейчас покраснелись. – Причём тут ревность? Они с Юджином что-то не поделили. Он после знакомства с новенькой злой, как минотавр. Говорят, он её в лужу толкнул!

Мужской голос присвистнул.

– Юджин? В лужу? Новенькую? Хм... У кого-у кого, а у Юджина на то должны быть причины. Веские. Он зря ничего делать не станет.

- Так, а я о чём говорю! Наверняка никакая она не новенькая!

- А кто?

- А то! - передразнила собеседника девушка. - Шпион из «Претория»! Не зря с ней Сенека любезничал!

- Магистр Бенжамин Сенека? Куратор?

- А то кто!

- Странно...

- Ещё бы не странно! Ой-ой-ой, а как у нас глазки-то забегали! Да ты, я посмотрю, сомневаешься ещё! Так я и знала. Конечно, как парень бросился защищать девчонку!

- Не защищаю я никого, - жёстко отрезал мужской голос. - Если она и вправду президентский шпион, хана ей.

- А если нет?

- Если нет, - произнёс мужской голос после небольшой паузы, - тем более хана. Если они с Юджином что-то не поделили, остаётся ей только посочувствовать. За ним ребята пойдут, не станут разбираться, кто прав, а кто виноват.

- Сам сказал, у него должны были быть веские причины, - ехидно процедила девушка.

- Сказал...

Сложить два и два было несложно.

Юджин - это, стало быть, тот рыжий, который психованный. Эх...

Судя по нечаянно подслушанному разговору, он здесь, среди ребят, авторитет. И его личная неприязнь для меня ещё хуже, чем участие того... этого... Который брюнетистый, с таким ледяным взглядом, что как посмотрит – внутри всё инеем покрывается. Кажется, они назвали его Куратором. Значит ли это, что он здесь не работает? А что тогда делает? Курирует? А что именно курирует? Ответ напрашивался один – Аусвер.

Но, как я поняла, разговор с брюнетом – это ещё полбеды.

А вот самый популярный парень в академии с лёгкостью превратит мою жизнь в ад...

Плохо. Очень плохо. Прямо скажем, хуже некуда. Надо срочно искать возможность помириться с этим самым... С Юджином. И заодно выяснить, чего он взбесился? Вон, ребята говорят о нём с таким пиететом... Значит, не самодур. Что уже неплохо.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, стараясь не дышать и надеялась, что меня не выдаст стук собственного сердца. Сейчас самое главное – не попасться им на глаза. И без того уже слух пошёл что я какой-то там шпион. Из Преториума, что ли? Сумасшедшие они здесь. Ну какая из меня столичная штучка? Не видно по мне, что ли...

Я уже сделала осторожный шаг назад, затем ещё один, и ещё...

И надо же было такому случиться, чтобы девушка, изображённая на картине в платке, завязанном в узел на макушке и с тряпкой в руках с самым коварным видом перевесилась через золочёную раму и демонстративно смахнула с неё пыль изящной метёлкой!

И пыль не нарисованную! Настоящую!

– А-а-а-пчи!! – вырвалось у меня оглушительное.

Разговор тут же стих.

А потом из-за угла вышли оба. И парень – высокий, крепкий, как дуб с жёлтой отделкой камзола и высокая брюнетка, широкими скулами и чуть загнутым книзу носом, эдакая соколица в мантии с оранжевым воротом.

И по их лицам я как-то сразу поняла, что у меня неприятности.

Глава 7

Юджин

Оставив Касьяна отдыхать в поверхностном, беспокойном сне, Юджин покинул комнату. Последнюю пару по Призыву и Управлению Иномирскими Сущностями он бессовестно прогулял, чтобы быть у сегрегационной пагоды в то же время, что и Касьян, поддержать друга, если нужно – помочь дойти до комнаты. Но на то, что его отсутствие пройдёт незамеченным, не надеялся и теперь искал преподшу, чтобы получить задание на отработку.

И, когда проходил картинную галерею, его внимание привлекли голоса. Даже звуки ссоры.

– Подсматриваешь? Подслушиваешь? А я говорила, она – шпионка!

Зычный голос Жас с гудящими северными, или, как говорят те, кто вынужденно уступает ей победу в магических спаррингах, «базарными» нотками, он узнал сразу. Жасмин, точнее Жанна из рода древних воинов, из самого Багрового Каньона, там норма скорее кричать, нежели говорить. Конечно, два с половиной года в Аусвер сделали своё дело, но, как известно, можно вытащить девушку из каньона, куда сложнее – каньон из девушки... В то, что Жанна затеяла с кем-то ссору ничего удивительного не было.

– Это правда? Ты шпионила за нами? На кого ты работаешь? На Преторий? Или только на Сенеку? Или, может, на самого Тода? – а вот узнав голос Алекса, Юджин нахмурился. Сокурсник нравился ему своей рассудительностью и гибким, подвижным умом. Ну и в «слабости к каньонным девушкам» его сложно было упрекнуть, всё-таки Жанна очень даже ничего себе... Но чтобы Алекс

поддерживал ту в сплетнях и склоках? Быть такого не может.

- Сейчас ты нам всё расскажешь!

- Вы о чём? Кто все эти люди? Я не понимаю, о ком и о чём вы говорите! Клянусь, никакая я не шпионка!

Юджин скривился, словно откусил от сочного лимона. Этот голос он уже слышал сегодня, и, несмотря, на немногословность его обладательницы, узнал бы из тысячи. Слишком уж... запоминающейся оказалась встреча.

- Держи её, Алекс! Сейчас я ка-ак шарахну её Обледенением, мигом вспомнит, на кого шпионит!

- С ума сошла! К Нгеллеру, на опыты, захотела?!

- А ты предлагаешь отпустить её после того, что она тут услышала?!

- А что, сфинксы меня дери, она услышала?!

- Эй! Оставьте её! - крикнул Юджин, выходя из-за угла.

Так он и знал. Картина маслом.

Алекс, несмотря на «приказ» подруги, удерживает за локти эту самую подругу, которая вырывается, шипит дикой кошкой, только что не плюётся. И к Оракулу ходить не надо - выпусти её сейчас Алекс - бросится выцарапывать глаза новенькой. Та же успела переодеться в мантию, заплести косу и уже не так напоминает призрака. Скорее, призрака в мантии. Из-за красной оторочки воротника огромные розовые глазищи на бледном лице так и отливают алым!

Горло буквально сдавило от злости. Ну вот во что она опять вляпалась?!

- Уведи Жасю, Алекс, - уже тише сказал Юджин, и ни сокурсник, ни сама Жанна не посмели возразить.

– Юджин! Она подслушивала, – робко и совсем другим тоном проговорила Жасмин.

– Я разберусь, – пообещал он. А потом вдруг не выдержал, взорвался. – Вам не приходило в головы, что она просто осматривалась здесь?! Она же только сегодня приехала. К тому же, кому, как не тебе, Жас, знать о гостеприимстве местных стен, – многозначительно добавил он.

Проводив удаляющуюся парочку взглядом, новенькая вскинула взгляд на него. В розовых глазах – ни тени страха, скорее интерес напололам с облегчением.

– Спасибо, что спас, – тихо сказала она и робко улыбнулась.

Оттого, что голос у девушки оказался таким же приятным, тихим, как ему и запомнилось, а улыбка – светлой и искренней, Юджин разозлился ещё сильнее.

– Нужна ты мне, – буркнул он грубо.

Девушка – кажется, Сенека назвал её Авророй, пожала плечами. Она оказалась не из обидчивых.

– Юджин Валкони! – раздался новый голос, раздражённый, с занудными преподавательскими нотками, эдакая профессиональная деформация. Его обладательница, мистрис Пейдж со строгим лицом и строгой же причёской, появилась словно из ниоткуда. – Могу я узнать, по какой причине вы пропустили сегодня мой предмет?!

Юджин вздохнул. Негласная причина была понятна и без слов, к тому же о ней не принято говорить в Аусвер. А выдумывать что-то, делать вид, что оправдываешься – он слишком устал от этого дерьма.

– Ладно, сфинкс с тобой, – вздохнула мистрис Пейдж и поправила пенсне с магическими стёклышками. – Надеюсь, ты не думал, что я спущу это на тормозах, без отработки?

Юджин снова вздохнул. О том, что мистрис Пейдж забудет о пропуске, он и не мечтал.

– Вот и чудесно, – просияла преподаша. – Прямо сейчас и отработаешь. Держи адрес. Там какие-то нестабильные колебания фона, проверь, ладно? Если пациент буйный, упокой. Да-да-да, потом ко мне с зачёткой и табелем. Получишь свой зачёт экстерном и можешь до конца семестра не мозолить мне глаза.

В этот момент Юджин почти обожал мистрис Пейдж. Избавить чей-то дом от нежити или беспокойного духа? Получить зачёт экстерном и выиграть несколько свободных часов в неделю? Да он мигом!

Но в последний момент преподаша всё испортила. Эх, не оставляете вы шанса полюбить себя, мистрис Пейдж!

– Это ты сегодня с Эдгардом приехала? Новенькая? Аврора Зайко, да? – мистрис Пейдж беззастенчиво дёрнула кивнувшую Аврору за руку, затем обошла, оглядывая поверх стёклышек, чуть ли не приняхалась. Пробормотала что-то вроде «двадцать восемь... кто бы мог подумать» и вновь обернулась к Юджину.

– Знаешь, что? Возьми с собой новенькую. Пусть практикуется.

Юджин скривился, как если бы у него заболел зуб.

– Шутите, мистрис Пейдж... – начал было он.

– Это тебе всё шулки, – преподаша замахала на него руками. – А у неё дар сильный. Глядишь, пригодится.

Юджин только что зубами не скрипнул.

Повозить бы всех Магистров во главе с ректором Рэйвом мордами по грязи вокруг сегрегационной пагоды...

Глядишь, и у него дар был бы сильный.

Юджин

– Это зачем? – спросила Аврора, перегибаясь через его плечо и с интересом наблюдая, как докторус с невозмутимым видом ставит метку на сгиб локтя. Напыление зашипело, впитываясь в кожу и в тот же миг над левым плечом Юджина вспыхнул знак Аусвер – эдакий опознавательный маяк, по которому каждый житель Преториума видит, что перед ним студент магической академии... а в случае отклонения от заданного маршрута, иначе говоря, побега – метка с лёгкостью превратит кровь в его жилах в кислоту... и одним магом в Триуме станет меньше.

– Чтобы не заблудились, – с вежливой улыбкой ответил докторус и жестом пригласил Аврору занять место Юджина.

Девушка даже не поморщилась от укуса магического напыления и с интересом уставилась на собственную метку, вспыхнувшую над плечом.

Затем послушно пошла за Юджином.

Он ожидал вопросов. Целого моря вопросов, чтоб его сфинксы съели! Уж он бы на её месте порасспросил самого себя хорошенько, особенно после всего, что произошло. Но Аврора вышагивала рядом молча, стараясь не отставать и в то же время держать дистанцию. Всем своим видом девушка показывала, что не хочет быть в тягость.

Такой сильный эмпат? Или реально, блаженная, которая действительно не понимает, куда попала?

Задержалась она только, причём и его дёрнула за рукав, когда проходили мимо зеркальной витрины под мигающей вывеской «Тысяча мелочей». В витрине расселся, закинув ногу на ногу манекен лысой красавицы в пышной юбке и с упоением смотрелся в зеркальце на длинной ручке.

– Погоди, пожалуйста, – попросила Аврора, когда он резко обернулся и прожёл её взглядом. – Я сейчас.

– Куда? – нахмурился Юджин, но вынужден был остановиться. – Нам нельзя сходить с маршрута.

И выразительно покосился на метку над своим плечом.

– Это я поняла, – беззаботно махнула рукой девчонка и смущённо улыбнулась. – Но ведь этот магазин по пути? Я быстро!

Он был готов поймать её за край мантии, отчитать, причём в грубой форме. Какие ещё магазины?! Нет, он всё понимает, девочка из дистрикта, впервые в Преториуме... Но он -главный, он, к слову, и за неё ответственность несёт... А потом вспомнил, как она беспомощно смотрела на него из лужи, как, не жалуясь, упрямо закусив губу, тянула из неё чемодан... И, как вишенка на торте – этот нелепый наезд Жасмин и Алекса...

Юджин сухо кивнул и девчонка, просияв, унеслась в магазин. Ну ещё бы.

Конечно, Юджин и не подумал идти за ней, остался стоять снаружи, всем своим видом выражая презрение к расфуфыренной столичной толпе. Дикие, невозможные причёски, кислотные оттенки волос и одежды, мастерски наведённые личины...

Магия красоты! Магия комфорта! Магия изящества – как она есть! Тьфу! Тысячу раз – тьфу!

Юджин знал цену этой вот столичной роскоши и, как мог, ненавидел её. Всей душой. Всем сердцем.

Если б он только мог... Если бы не проклятая метка, с которой он, как щенок на поводке, если б не фистула в груди, рядом с сердцем... Если бы не миллион предосторожностей хитровывернутых Магистров, сковывающих его по рукам и ногам.

Если б всё зависело исключительно от его воли...

О, какой бы славный грянул бы сейчас взрыв! Как быстро бы эти кривляющиеся рожи сменились бы предсмертными оскалами, а вместо всех этих утончённых

«мэйкапов» по холёным физиомордиям хлынула бы кровь вперемешку с пониманием, что они проиграли! Последним пониманием.

Он не пощадил бы никого... Женщины? Дети? Крашенные в кислотные расцветки пятнистые кошки на изящных поводках-цепочках?

А с какой стати?! С ним, вот, никто не церемонится!

Твари! Ведь знают же, знают, какой ценой такие, как он, платят за их подтянутые рожи и накачанные сиськи и задницы! За последнюю модель магического скэйтборда! За противоблошные ошейники на кошачьих!

Симбиоз магии и прогресса... что может быть гаже, подлее, абсурднее?

Если ты – магический донор. Батарейка на ножках. Если твой магический дар – цена вот этого вот даже по ночам не стихающего праздника?!

На плечо Юджина вдруг легла рука.

Прежде чем он успел выполнить захват и описать дугу гражданином Преториума в воздухе, подошедший успел отшагнуть и руки Юджина сомкнулись на пустоте.

Напротив стояла пара – с первого взгляда на их причёски и одежды было понятно: столичные. Надменные капризные рожи, а в глазах неприкрытый интерес.

– Из Аусвера? – спросил парень с синими волосами, а девчонка, с зелёными, скупно улыбнулась.

– А тебе что? – Юджин нахмурился.

Преторианцы обычно смотрят не так. Они, как могли, скрывают своё преступное равнодушие за брезгливостью, презрением, иногда – за лживым сочувствием.

Эти же – и парень и эта зеленоволосая нимфа, и даже кошка у её ног в золотом в стразах ошейнике – смотрели на него с вызовом. Как на равного.

И это было странно.

– Кто вы?

Синеволоосый нагло улыбнулся и выдержал паузу, прежде, чем ответить. Юджин скривился.

Тоже ещё, драматург хренов.

– Сокрушители Оков, – первой ответила девчонка. Голос у неё, несмотря на хлипкую комплекцию, оказался низкий, глухой. Серьёзный.

– Новая мода на накурившихся клоунов? – ухмыльнулся Юджин. – Или новая игра золотой молодёжи в платиновых подгузниках? Не слышал я о вашей секте, проваливайте, обдолбыши.

Парень покачал головой, продолжая вглядываться в его лицо.

– Сокрушители Оков – граждане Нового Триума. Свободного Триума.

– Не знаю такого, – издевательски развёл руками Юджин. – И, как ни стараюсь, не вижу.

– Потому что его ещё нет, – согласился незнакомец. – Мы построим его собственными руками. Но сперва не оставим и камня на камне от этого. Ты с нами?

– Почему я должен вам верить?

Вместо ответа парень сдвинул борт своего павлиньего, в стразах, пиджака. Тот же жест (только гораздо изящнее, по-женски) повторила девчонка, словно ей вдруг стало жарко и единственная возможность охладиться – расстегнуть прозрачные кнопки на декольте.

Юджин не собирался пялиться. Но их шрамы были такими знакомыми...

– Посмотри на нас, – продолжал незнакомец. – Где наши охранные метки? Где фистулы? А ведь я должен был десять лет как окончить элитную, всеми обожаемую до невозможности, академию Аусвер.

– Вы... студенты Аусвер?

– Были, – кивнул синеволосый. – Юла значит мёртвой. А я сбежал.

– Сбежал?!

– Представь себе.

– Я... я вас не помню. Вы врётё. Вы – шпионы Рэйва или Тода.

– Я «умерла» в год твоего поступления, – отрезала Юла. – Можешь спросить обо мне у Касьяна.

– Я не...

– Это неважно. Всё, что ты скажешь – неважно. Важно одно: с нами ты или нет.

И надо же было такому случиться, чтобы в этот самый момент стеклянные двери разъехались, выпуская на шумную улицу новенькую. Довольную, как начищенный пьяс!

Доля секунды понадобилась Юджину, чтобы придумать объяснение для Авроры (чтоб не взболтнула лишнего в Аусвер), но, когда он обернулся к случайным знакомым, их уже след простыл.

Шагнув в разномастную столичную толпу, бывшие студенты Аусвер слились с ней, как сливается с окружающей средой хамелеон.

Аврора

– Как давно это началось? – Юджин бегло мазнул по хозяйке взглядом, повертел головой, осматривая картины на стенах, статуи, парящие кристаллические светильники.

– Вот сюда пройдите, – хозяйка с озабоченным выражением лица, с изумлённо приподнятыми тонкими, нарисованными поверх белил тонкой кисточкой бровями, поманила нас за собой. Пару раз несмело оглянулась, то ли для того, чтобы убедиться, что мы следуем за ней, то ли – что мы не наследим на сияющей в буквальном смысле плитке из бело-розового мрамора.

– Месяц назад, – спохватившись, бросила она через плечо. – Это началось месяц назад. Точно-точно. У Марсика, простите, Марка Антония было экстренное заседание в префектуре. И вот надо же, так совпало... – она неловко замолчала, явно жалея, что сболтнула лишнего. В том смысле, что зачем нам, студентам Аусвер эта информация о заседании в префектуре...

После того, как я прошлась с Юджином по улицам, было не так страшно опозориться с «раззявленной варежкой». Успела привыкнуть, кхм, к эпатажной местной моде.

Все эти совершенно диких расцветок наряды с обилием стаз, перьев, какого-то прозрачного блестящего материала... С двух шагов мужчину от женщины не отличить! На лицах – или магические личины, или, вот, как у этой мистрис Алвейл – белила, а уж поверх – нарисованное лицо.

Разглядывая нашу хозяйку – что стало возможным только лишь, когда она обернулась спиной – я вспомнила призрачную леди в Аусвер и сетования той по поводу отсутствия красок и париков уже не показались мне смехотворными.

Конечно, я ожидала столичной роскоши, но и подумать не могла, что здесь она самым решительным образом возведена в культ!

Но ладно ещё хозяйка, одетая, видимо, по-домашнему – в длинное и узкое шёлковое платье странного кроя, с разрезами по бокам и такими широкими рукавами, что при взмахах рук становилась похожа на огромную розовую бабочку... Дом!

Четырёхэтажный особняк оказался изнутри настоящим дворцом! От обилия золота, хрусталя, каких-то парящих цветных кристаллов, статуй... да простит меня моя знакомая, которая с луком и стрелами, но здесь статуи были выполнены из прозрачного, как слеза, материала, причём были они разных цветов – словно целиком вырезаны из драгоценных камней! Кстати, о драгоценностях – на некоторых сияли самые настоящие украшения – серьги, диадемы, ожерелья, кольца, пояса-цепи, браслеты.

Что-то кольнуло изнутри, какое-то странное предчувствие, что заставило приглядеться к «украшенным» статуям повнимательнее... они все выглядели странно знакомыми. Но как я ни старалась вспомнить, где видела невысокую, своих лет девчонку с приятными, но какими-то кукольными чертами лица, так и не смогла.

– Вот, – капризным голосом говорила хозяйка, жестикулируя, отчего широкие рукава её наряда, казалось, жили собственной жизнью. – Вчера кто-то перевернул все картины вверх ногами, позавчера – повесил простыни вместо занавесок, – она прижала тыльную сторону ладони ко лбу. – На той неделе в библиотеке кто-то бросался книгами, и, такое ощущение, подвывал... или плакал. А сегодня утром из буфета пропали все ложки! Серебряные! Старинные! Оно, конечно, смешно, но это память о бабушке! Такие, знаете, на длинных ножках...

– Десертные, – пискнула я и оказалась под перекрёстными взглядами двух пар глаз.

Хозяйка, мистрис Алвейл, смотрела так, словно видит меня впервые, и, чего уж там, не ожидала обнаружить такое в своём доме. Юджин же смотрел просто зло. Но к этому я успела привыкнуть.

Он всю дорогу злился, с того самого момента, как мне было приказано сопровождать его. Всю дорогу досадовала! Это ж какая возможность поговорить начистоту, помириться, а заодно и выпросить хорошенько, за что он так ненавидит Аусвер?

Но жизнь научила не лезть под горячую руку. Можно так огрести, мало не покажется. К тому же, если человека не трогать, дать, как говорила мама, перебеситься, он потом сам станет добрее и благодарнее, что в душу лезть не

стали. Сам всё расскажет. Я и решила: буду нема, как рыба, и послушна, как... как «Рошка», в общем. Мне ли привыкать. А если удастся не сплеховать и даже оказаться полезной, глядишь, Юджин и сам всё расскажет, на обратной дороге. Что-то его, видно, сегодня, помимо меня расстроило. Имеет человек право позлиться? Кто бы спорил, только не я.

– Да-да, десертные. И в кабинете у мужа копались, бумаги все разбросали, провод у телефона сгорел, представляете?

– Провод сгорел? – уточнил Юджин, нахмурившись.

– Знаю-знаю, – снова замахала руками хозяйка. – Вы будете говорить, как и эти дуболомы-миротворцы, что кто-то залез в дом... Но это исключено! Мы пользуемся лучшей охранной магической системой! Новейшая разработка! Обновляем каждый месяц! Деньги, конечно, немалые, а что делать... – и она тут же осеклась, закрыла рот ладонью, должно быть, разговоры о деньгах в высшем обществе моветон. Где-то я такое слышала.

В тот момент, когда мистрис Алвейл заговорила о новейшем магическом изобретении, глаза Юджина вдруг так и полыхнули! И кулаки сжались!

Всего на миг, но... и я, и хозяйка успели заметить. Причём реакция хозяйки была совершенно нетипичная. Она вдруг закашлялась и отступила на шаг, так, что наткнулась спиной на стену, отчего картина закачалась. Хвала Четырёхликой, картины в этом доме были не как в Аусвер, не магические, а то наслушались бы сейчас от чернобрового красавца с ястребиным профилем...

Не вполне понимая, что происходит, я взяла Юджина за руку. Ну как, за руку. По сути положила пальцы на сжавшийся кулак. Ледяной. Юджин вздрогнул, посмотрел на меня отсутствующим взглядом, потряс головой, а хозяйка смутилась. Чего?

Реакции Юджина или своего испуга?

Но заговорила в два раза быстрее. Снова повела по коридорам, показывая и рассказывая на ходу, где ещё набедокурил «полтергейст».

Юджин шёл по левую руку и сверялся с показателями выданного в Аусвер датчика. Меня в принцип его работы не посвятили. Ну я и плелась, то есть, бодро топала следом, делая умное лицо.

– А там что? – спросил он, показывая на самую дальнюю комнату в коридоре. Датчик в его руках жалобно пискнул. Я наострила уши, выглядывая из-за его плеча.

– Кладовка, – ответила хозяйка так быстро, что я сразу поняла – врёт.

Понял это и Юджин.

– Для отчёта нам нужно проверить все комнаты, где шалил этот ваш «полтергейст».

И без того мраморное за счёт белил лицо хозяйки стало ещё более непроницаемым.

– Там вам нечего делать! – сказала она резко. – Вредитель туда не заходил! Вон, видите, пыль на ручке?

– Простите, мистрис, – пискнула я. – Но полтергейст на то и полтергейст, чтобы ходить сквозь стены...

– Туда никто не заходит!!! – взвизгнула фальцетом хозяйка и я часто заморгала.

И тут вдруг Юджин сжал мои пальцы!

Это было так неожиданно, что я затаила дыхание.

А ещё внутри что-то зашевелилось. Так было, когда удалось поднять воду в колодце, или сегодня, когда над их этой «сегрегационной пагодой» засияла радуга... В запертой комнате была магия! Я чувствовала её!

– Мы осмотрим все комнаты в доме по порядку. Начнём с гостиной, – примирительным тоном сказал Юджин.

Глава 10

Бенжамин

Бенжамин Сенека склонился над страницами Посланий.

Каждое – заламинировано, поверх плёнки – магическая печать для сохранности.

Всего Посланий Богини (задокументированных, так сказать) сто восемьдесят три. Негусто. За две тысячи лет.

Прежде чем приступать к перечитыванию того, что Бенжамин итак знал наизусть, он привычно натянул одноразовые перчатки.

Первое Послание датируется шестьдесят восьмым годом. От Новой Эры, или от Пришествия Четырёхликой.

А вот последнему, задокументированному самим Бенжамином, полученному незаконным путём... всего месяц.

Кстати о незаконности. Чтобы получить последнее Послание, Бенжамин пошёл на самое настоящее преступление. Хоть и жалко было девчонку-Оракула, не передать, как...

Но что значит жизнь одного человека по сравнению со всем человечеством?

Это Бенжамин тогда так думал. Прежде, чем задать Оракулу вопрос.

А вот то, что последовало вслед за этим, будет являться ему в самых худших кошмарах, мучить всю жизнь... И искупление не придёт. Никогда. Нет, если бы снова пришлось, рука бы не дрогнула. Наверно. Слишком ценными оказались расшифрованные данные. Но девчонку правда было жалко. Очень...

Нахмурившись и сурово поджав губы, Бенжамин принялся листать страницы.

– Сказания Двенадцати, – прошептал он с тихой яростью. – Почему же вы, сфинксы меня дерите, такие разные? Если говорите, мать вашу, об одном и том же...

«Сказания Двенадцати» – вторая по значимости священная книга Триума.

Именно в них повествуется, как на землю сошла Богиня.

Четырёхликая.

Вообще-то это рассказы очевидцев того времени.

Тех, кто узрели Явление Богини. И хотя бы в силу того, что «показания» рознятся, Бенжамин считал, что важность «Сказаний» сильно переоценена.

Другое дело – «Послания». То есть откровения самой Четырёхликой, записанные со слов Оракулов. Но вот понять Богиню совершенно не представлялось возможным. Такое ощущение, что она говорила на другом языке.

– Может, те Двенадцать были выходцами из разных языковых групп? – пробормотал Бенжамин. – Это может объяснить то, что они все так отличаются... Но, сфинксы драные, какова вероятность?!

Бенжамин раздражённо пролистнул первые страницы – их он итак знал наизусть.

К слову, никто из тех, кто наблюдал Сошествие Богини, не прожил больше месяца, так что, возможно, очевидцев того знаменательного события было гораздо больше, нежели «Сказаний». Но только Двенадцать успели оставить важную информацию потомкам.

Впрочем, все они сходились в одном: Богиня спустилась с неба верхом на звезде, прямо в чёрные воды Таласского моря.

От жара звезды воды вскипели, взметнулись до самого неба!

Бушевало море... долго. Точных сроков того периода, к сожалению, не сохранилось. Зато известно, что когда море утихло, на юго-западе от полуострова в его водах обнаружилась Водная Яма – гигантский водоворот, с лёгкостью утягивающий на дно целые флотилии.

Древние, и, конечно, тёмные, напуганные пришествием Богини люди решили, что той нужны жертвы. И жертвовали.

Корабли, скот, людей... Сперва всякий сброд, после лучших из лучших. Юношей, девушек – юных, чистых, невинных... Это было страшное время для крохотного приморского поселения под названием Триум.

Но Богиня приняла жертвы.

Потому что вскоре в Триум пришла магия.

Магия Четырёх Стихий.

И настали по-настоящему тёмные времена.

Потому что магия пришла вместе с магами.

То тут, то там, рождались «поцелованные Богиней» – младенцы с сильнейшим магическим даром.

Что может натворить неразумное дитя, которое и из люльки ещё вылезти не в силах? Если дитя маг – многое. Страшное.

Ураганы, тайфуны, смерчи, лесные и степные пожары, смертоносные грады из ледяных стрел, землетрясения...

Люди гибли целыми селениями.

«Поцелованных Богиней» безжалостно истребляли. Потому что сами очень хотели жить. Потому что хотели долгой и спокойной жизни своим детям.

Несколько десятилетий вошли в историю под страшным названием – Избиение поцелованных.

Но вот «поцелуи Богини» с каждым годом стали проявляться позже. Правда, рано или поздно магический дар выходил из-под контроля, нёс кровь, смерть, разрушения...

Прошло немало лет, прежде чем появились те, кто научился контролировать его, и учить контролю других.

К тому времени Триум разросся и занимал примерную треть нынешней территории.

Магов тогда боялись до одури, ненавидели хуже лютой смерти. Устраивали на них охоту, как на диких и очень опасных зверей. Не всегда охота была удачной... и люди зверели ещё больше. Уходили всё дальше вглубь материка, где «поцелованных» рождалось меньше. Был основан Преториум, столица-крепость.

Но несколько магов (конечно же, по совершенно случайному стечению обстоятельств их было ровно двенадцать), на свой страх и риск пришли к воротам Преториума. Чтобы доказать свою верность Триуму, дать присягу отныне и впредь действовать только во благо своего государства!

Быть может, магам не было бы веры, но на новое государство, еле-еле стоящее на ногах, слабое от «магических всплесков» пошли войнами соседи...

Полуостров был атакован со всех сторон, и, к сожалению, не только людьми. Драконами – гигантскими крылатыми ящерами, морскими чудищами – горгонами, сфинксами, грифонами, гарпиями, полчищами смертоносных даймонов с кожистыми шипастыми крыльями и рогами...

Казалось, Триум был обречён.

Но на его защиту грудью встали маги.

Те самые, которые умудрились выжить, несмотря на свой дар, научились его контролировать...

Год за годом границы Триума расширялись.

Это был героический, Победоносный Век!

Маги, сражавшиеся в многочисленных войнах за Триум, стали уважаемыми жителями Преториума, столицы. Власть справедливо посчитала, что таких сильных союзников следует держать на расстоянии вытянутой руки.

Триум выстоял. И стал сильнее и лучше.

И в нём жили маги – те самые Двенадцать и их многочисленные потомки, которым (не всем правда) тоже передавался магический дар.

Маги становились обыденностью...

И всё же хорошо, чтобы их было поменьше – так рассуждала власть. Оставить удобное количество самых верных на случай, если снова придут с войной соседи, но всё же недостаточное, чтобы «поцелованные Богиней» однажды сумели захватить власть...

Но как это сделать?

И как, опять же, контролировать тех «поцелованных», кто рождался в тысячах и тысячах километрах от Преториума – бьющегося сердца Триума? Государство занимало уже чуть ли не половину материка, и пусть соседи больше не рисковали воевать, но Триум существовал лишь благодаря мудрости и предприимчивости власти* (*зачёркнуто), благодаря магам* (*опять же зачёркнуто, восстановлено с помощью артефакта), благодаря единому порядку, единому закону.

Умрёт закон – погибнет и Триум.

Всё культурное наследие предков, за которое те сражались и погибали.

Плодородные земли и богатые месторождения растащат соседи...

А что, если контролировать численность магического населения? Конечно, в приоритете «проверенные», те, кто уже доказал свою верность, своё умение контролировать дар...

К тому же, как оказалось, – случайно выяснилось Первыми, Магистрами, что магический дар можно отдавать.

А вещи, будь то оружие, кристаллы, даже предметы искусства могут «впитывать» магию, вбирать её... и даже служить тем, кто к магии вообще никакого отношения не имеет. Но умеет приказывать.

Такое свойство магии оказалось очень удобным.

Итак, решение было найдено.

И на первый взгляд оно было простым и гениальным.

В Преториуме стали появляться первые магические учебные заведения. В них юные маги учились развивать свой дар и... добровольно жертвовали его излишки на благо Триума.

Поначалу... излишки.

Поначалу... добровольно.

Креп Триум, креп Преториум. Столица превращалась в эпицентр чудес, «око тайфуна» магии и волшебства.

Гигантские динамо-машины вырабатывали энергию и преобразовывали её в электричество.

Водные и ветряные мельницы сменялись турбинами, работающими с помощью магии, только мощнее, быстрее, лучше.

Земляная магия помогала выращивать и собирать небывалые урожаи.

Огненная магия получила самое широкое распространение в котельных, на заводах и фабриках, во дворцах и замках.

Изобретение телефона, открытие магнитного поля и многое, многое другое!

Магия становилась доступной. А вслед за доступностью пришла необходимость.

Жители Преториума не мыслили своей жизни без роскоши, удобства, изящества, ежедневного волшебства, – всего, что давала «изъятая» магия.

Среди знати, поддерживающей власть президента, считалось хорошим тоном использовать магические артефакты не то, что в быту, но и для дрессировки и селекции домашних растений и животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/hant_diana/belaya-vorona-v-akademii-ausver

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)